

Герой Советского Союза
Михаил Ильич Клямков

За нашу Советскую Родину!

Г Е Р О И И П О Д В И Г И

Георгий МИРОНОВ

БУДЬ ЖИВ,
ЛЕЙТЕНАНТ!

I 755077

ВОЛГОДЛАВСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1973

Миронов Г. М.

М64 **Будь жив, лейтенант! Серия «Герои и подвиги».**
М., Воениздат, 1973.

136 стр.

Документальный очерк о Герое Советского Союза лейтенанте Михаиле Ильиче Климове — бесстрашном офицере славной гвардейской армии маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко.

По Украине, Польше, Германии прошли в грозных наступлениях и атаках боевые машины танкиста, а затем самоходчика Михаила Климова. О совершенных им подвигах и рассказывает автор очерка.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

М 1123-106 30-72
068(02)-73

9(С)27(092)

На торжествах, посвященных двадцатилетию победы над гитлеровской Германией, ко мне подошел высокий мужчина, худощавый, с проседью в волосах, с черной повязкой, закрывающей глаз.

— Разрешите обратиться, товарищ маршал, — сказал он по-военному, хотя был в штатской одежде. — Я лейтенант Климов, служил у вас на Первом Украинском, в Третьей гвардейской танковой армии генерала Рыбалко, в части подполковника Веремея...

Мы разговорились. Меня тронула искренность, с которой обратился ко мне Михаил Ильич Климов, уже не командир танкового эскадрона и гвардии лейтенант, а инженер одного из крупных московских заводов. Он уже двадцать лет, как не мой подчиненный, не с личной просьбой обратился — хотел от своего бывшего командующего фронтом получить ответ по чисто военному, двадцатилетней давности вопросу.

Золотая Звезда на пиджаке, повязка на глазу красноречиво свидетельствовали, что этот сорокалетний человек, представитель мирной профессии в наши дни, в грозную пору войны честно и самоотверженно сражался с заклятыми врагами Советской Родины.

Я не помнил лейтенанта Климова по годам войны. Скольких таких, как он, юношей, комсомольцев или молодых коммунистов, по воле сурового долга командующего, я посылал в тяжелые, подчас смертные бои. Мин

из них подписывал представления на высокие воинские награды, в том числе и на танкиста славной гвардейской армии командира боевой машины лейтенанта Климова.

Лейтенант Михаил Климов принадлежал ко второму поколению танкистов Великой Отечественной войны, начавшему свой ратный путь уже после перелома в войне, когда могучая, закаленная в боях Красная Армия гнала на запад гитлеровские орды. 3-я гвардейская танковая армия, передовая армия нашего фронта, к 1944 году прошла большой и славный путь. В ней воспитались, закалились тысячи воинов, испытавших трудности и горечь начального периода войны. К этому старшему поколению воинов-танкистов принадлежат командующий 3-й танковой незабвенный Павел Семенович Рыбалко, член Военного совета армии Семен Иванович Мельников и командир бригады, а затем самоходного полка, Иван Николаевич Веремей, ныне генералы в запасе.

О них, боевых танкистах, интересно и правдиво рассказывает автор книги «Будь жив, лейтенант!». Совершенно правильно поступает автор, что не только уделяет большое внимание ратному пути героев, но и стремится раскрыть в общем-то мало освещенную до сих пор в нашей литературе проблему становления характера юноши-командира в дофронтовой обстановке — в военном училище, запасном полку, потому что процесс формирования стойкого, выносливого, мужественного, не пасующего перед боевыми трудностями воина начинается задолго до его первого боя.

Танкистами не рождались — ими становились в процессе напряженной, максимально близкой к боевой обстановке учебы в военном училище и на полях сражений.

Как и миллионы его ровесников, молодых людей того комсомольского поколения, которое мужало и закалялось в военную годину, Михаил Климов выполнял свой солдатский и гражданский долг с максимальной отдачей, предельно честно и самоотверженно. Точно так же он

трудится и в послевоенное, мирное время. Несмотря на тяжелое ранение, работал, учился, много сил отдавал и отдает общественной, партийной работе.

Прощаясь с Михаилом Ильичом, я с чувством особенной теплоты и признательности пожелал ему всего самого доброго в работе, в личной жизни.

Всей своей жизнью Михаил Ильич Климов доказал, что достоин высоких наград, которые дала ему Родина. Заслужил он и книгу о себе, которую я охотно рекомендую читателям.

Маршал Советского Союза И. С. Конев.

ПАРЕНЬ С РАБОЧЕЙ УЛИЦЫ

Мглистыми осенними ночами западный край московского неба вспыхивал багровыми отсветами. Тьму распугивали неслышные всполохи, секли голубые торопливые лезвия прожекторов, прошивали разноцветные строчки пулеметных трасс. Громадный город тревожно слушал черное, несущее беду небо. Знакомый, сдержанный голос диктора объявлял улицам и площадям, бессонным заводам, учреждениям, квартирам начало воздушной тревоги. На лестничных клетках хлопали двери, раздавались тревожные голоса, рвущий душу плач детей, торопливые шаги сотен ног. Синие зловещие лампочки над бомбоубежищами, у распахнутых входов станций метро и влекли, и пугали людей. А с запада, сопровождаемый настойчивым громом зениток, наползал на город злой, прерывистый гул чужих воздушных эскадрилий.

Земля отважно вступала в единоборство с небом, слала ему огонь и металл, а с высоты с нарастающим воем пизвергались тяжелые фугасные бомбы, сеялся дождь бесчисленных зажигалок. От ночи к ночи все больше черных самолетов шло на Москву, все грозней полыхало небо над столицей, хотя все чаще видела земля кометные следы сбитых «хейнкелей» и «юнкерсов», падающих с неба с нарастающим воем. И по-прежнему далеким было утро, когда тот же голос объявлял измученным людям, что воздушная опасность миновала.

Особенно часто и настойчиво самолеты нацеливались на заводские окраины. Все чаще принимал бомбовые уда-

ры юго-восток Москвы. Рвались тяжелые фугаски на знаменитом автомобильном заводе, на «Серпе и молоте», у Первого подшипникового, у «Динамо»... Горели цеха, школы, больницы, клубы, кирпичные дома и деревянные домишки, в которых жили те, кто трудился здесь, у трех знаменитых застав рабочей Москвы — Абельмановской, Крестьянской и Рогожской — по-старому, а теперь застава Ильича.

Ранними промозглыми утрами бежал по своей Рабочей улице к этой заставе ремесленник Михаил Климов, а по-уличному просто Мишка, втискивался в набитый людьми трамвай, идущий до завода имени Сталина. Порой за стеклами, за серой, тоскливой сеткой дождя, возникали дымящиеся руины в эту ночь разбомбленного дома, и тогда все в вагоне — женщины-работницы, ремесленники-подростки, немногочисленные мужчины в спецовках — прикипали к окнам. Люди тревожно переговаривались, сообщали тревожную сводку с фронта, кляли фашистов, их Гитлера, войну, все ближе подступающую к Москве.

В памятный день 16 октября Мишка и его друзья-одногодки Ленька Пяткин и Левка Мухин, тоже обитатели Рабочей улицы, поехали на свои заводы понапрасну. Повсюду проходные оказались закрытыми. В трамвае Мишка слышал, что фашистские танки вышли на Ленинградское шоссе и прорвались к каналу. Потрясенные мальчишки побежали к своей заставе. Здесь творилось непонятное и страшное.

Грузовики, груженные ящиками, бочками, сейфами, мебелью, торопились через заставу к шоссе Энтузиастов, прочь из города. За смотровыми стеклами, рядом с водителями, мотались какие-то фигуры мужчин в штатской одежде.

Мишка почувствовал, что у него останавливается дыхание. То подступило впервые в его короткой 17-летней жизни еще малознакомое чувство мужского гнева, во

много раз более сильное, чем былая безрассудная мальчишеская ярость. Это чувство зародилось не так давно, в тот день, когда он впервые услышал песню «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!...». Только теперь, три месяца спустя, Мишка уже многое знал о войне, понял, чем она отличается от той, игрушечной, которую смотрел в кино, и, главное, он точно определил свое место и свою роль в «народной, священной войне». В эти дни рассеклась падвое Мишкина жизнь, отделив не такое уж розовое и наивное, но все же беззаботное отрочество от требовательной военной юности.

Но реагировать Миша умел все же по-мальчишески. Он поднял камень и запустил его в стекло выкатывавшейся на шоссе машины с ящиками.

Визгливый голос человека в новеньком плаще покрыл стоп тормозов:

— Хулиганы... милиция...

Миша, Леня и Левка стояли решительные, ошетинившиеся, перегораживая грузовику дорогу. Дождевичок брызгал слюной, совал какие-то бумаги. Нетерпеливо рычали спешившие от Таганки машины. «Мародеры, дезертиры», — крикнули из собравшейся толпы. Подбежал милиционер, влез в кузов, нагнулся над ящиками: «Куда везете столько масла, гражданин? Ваши накладные — живо! Нет? Ну-ка, документы! Ладно! Эй, ребята, становись на подножки, гони машину к милиции, ту, за углом на Рабочей, знаете?»

— Знаем, мы с этой улицы, — отозвались приятели.

— Сдадите их дежурному и мигом назад, — тут еще дел много, — крикнул вслед милиционер.

Когда мальчишки бежали назад, увидели: к заставе согласно колыша в такт размашистому шагу штыками, идет рабочий отряд. Твердо, уверенно ступая, точно сошедшие с картин времен гражданской войны, пагали черноусые суровые дядьки и совсем молоденькие, немногим старше приятелей с Рабочей, парепьки. Все туго перепоясаны по

штатским пальто и курткам ремнями с патронташами и гранатными сумками. Шли хозяева этих застав, привыкшие к труду, не чуждые боевому оружию, и все на площади расступались, пропуская отряд. Тише стал гомон у машин, не успевших миновать оцетинившуюся заставу. Сникли или опомнились те, кто трусливыми, потерявшими себя оказались в суровый и грозный час.

СЕМЬЯ И ВОЙНА

Рассказ матери

На Тульщине, откуда мы оба с мужем родом, в Одоевском нашем районе очень в ходу была у баб поговорка «Праздничный сон — до обеда». Это значило, что, если до того времени виденное не исполнится, значит, пустое приснилось.

Под воскресенье, то самое, июньское, черное, привиделся мне очень странный сон. Вхожу я в старую какую-то избушку, еще похуже той, что мы с Ильей Андреевичем и детьми покинули ради столицы с казенной комнаткой на Рабочей. Лавка в избе стоит, стол, буфетик с посудой, икона чернеет в углу. Из людей никого нет, только на лавочке утята и гусята что-то клюют, попискивают. И тут из темного угла на меня желтая собака как зарычит. Я назад подалась — вдруг она меня достанет, а собак я очень боюсь...

С тем и проснулась в то воскресенье, двадцать второго. Можно было полежать еще: ходики что-то около шести показывали. От заставы Ильича в утренней тишине привычный перезвон первого трамвая послышался. Встала я, Мишу укрыла — он вечно во сне разметывался, одеяло сбрасывая, точно бежать куда-то поровил. Подняла одеяло и смотрю: ноги у моего младшего худые, маслястые, мальчишечьи, руки в запястьях тонкие, а кисти

большие, рабочие, и уже со следами несмытого машинного масла. «Отдохни, думаю, сынок, труженик мой, поспи хоть в воскресенье досыта...»

Занимаюсь делами домашними, а у самой из головы нейдет: к чему желтая клыкастая псица привиделась? Вроде в доме у нас и на нашей Рабочей улице худых людей нет, с соседями мирно, хорошо живем. Так бы и забылся тот страшный сон, только в полдень, задолго до обеда, застучала в дверь соседка:

— Климовы, Дарья Петровна, включайте репродуктор. Война началась...

Ахнула я и слезы с трудом удержала.

Сбылся мой «праздничный» сон!

С войной резко изменилась жизнь и в нашей дружной большой семье.

Старшего сына, Андрея, призвали в армию еще в сороковом; служил он на Дальнем Востоке, и скоро его часть на фронт отправилась. Получили мы от Андрея телеграмму, чтоб встречали, когда проезжать через Москву будет. Съехались на станцию всей семьей. Муж, Илья Андреевич, уже на трудовой фронт был взят, но по этому случаю отпросился у начальства. Миша прямо с работы подоспел. Маша — та уж просто в школу в тот день пошла. Меня хоть и неохотно, но отпустил мастер со швейной нашей фабрики (мы для армии заказы выполняли) и все вслед наказывал:

— Как проводишь, Климова, приходи назад, норму ты дать обязана. Ее за тебя никто не выполнит. И фронт нескольких шинелей недосчитается. Обязательно приходи! Хоть поздно, хоть в ночную смену, но приходи.

Очень наш мастер за производство переживал.

Пришла я, конечно, в цех после проводов. Руки трясутся, какая я работница? Пересилила себя, дошила шинели, а за окном уже светло — скоро пора заступать в свою утреннюю смену...

Ну, а провода были, конечно, не веселые, но и не

слезливые. У пас в семье привыкли к сдержанности в чувствах: хоть и кошки на сердце скребут — держись молодцом.

Загудел эшелон, и тринадцатилетняя Маша, крепко любившая Андрея, прямо повисла на брате. Ни слезинки не проронила — чтоб не расстроить. А Миша хоть и побледнел, однако руку только на прощанье протянул. Даже смирный, тихий наш отец и тот не выдержал:

— Вы что, говорит, родные братья, одна кровь, а поцеловаться стесняетесь. Думаете, мужчинам целоваться зазорно? А ну, прощайтесь по-людски, как полагается!

Ткнулся Миша Андрею в щеку подбородком — поцеловал. Но зато, когда поезд уже тронулся, дольше всех бежал за теплушкой и махал, махал без конца.

Братья с детства очень дружили. Не помню случая, когда бы они серьезно подрались, хотя был Андрей постарше на четыре года и покоренастее, стало быть и по сильнее. Миша, как младший, пошаловатее был, Андрюша, тот похитрее, шалостей не любил, но никогда силу не применял, братишку понапрасну не обижал. Наганы, пугачи они все делали и тогда Машатку выгоняли из комнаты. Она плачет под дверью, а я приду: все хорошо. Соседи потом все перескажут мне и удивление свое не скроют:

— Что за дети: не дерутся и друг на друга не жалуются?..

Оба парня мои десятилетку не окончили — пошли работать, хотя способные были к учению, особенно Миша. В последнем, восьмом классе на спор с кем-то из приятелей былину написал. Под впечатлением повести Алексея Толстого «Хлеб». Былину эту потом на школьной елке их учительница литературы вслух читала.

И узнала я об этом не от Миши, а от соседских девчонок. Сам он ни про свои огорчения, ни про успехи дома выкладывать не любил. В себе все носил. Или с братом втихомолку делился. Шепотом, перед сном, чтоб никто не

слыхал. А одна комната, разве тут секреты заведешь? Мы с мужем друг дружку локтями поталкиваем, а братья шепчутся, секреты все выкладывают. Ну, мы, родители, ничем не показывали, что все нам известно. А о стихах Миша даже Андрею не сказал — постеснялся.

Отца нашего так в армию и не взяли, должно быть, по возрасту. На трудфронте близко от Москвы находился Илья Андреевич. Вместе с другими «стариками». Иной раз кто-нибудь из наших женщин с Рабочей получит отгул, съездит в Катуар, отвезет приветы и кое-что из съестного. Возвращается потом: «Климов норму выпиливает. А Мухин еле-еле четыре кубометра дает...» За эту норму — шесть кубометров леса — пачка папирос полагалась. Муж не курил, па картофель табак менял, тем и держался.

Один еще разок отпустили на день домой. Усадила его за стол, щей палила, а он хлеб не берет. Нам, видно, оставляет.

— Ешь, говорю, Илья Андреевич, щи с хлебом, не рви нам с Машей сердце.

Проводили мы отца, и обе с Машей заплакали (Миша в это время уже в военном училище был). И дочка меня утешать принялась:

— Ничего, мама, мамочка. Все будет у нас. Лишь бы победить...

И хотя очень тяжело ему доставалось, Илья Андреевич духом не пал. Нас еще подбадривать взялся: доказывал, что все перемениться должно, что такая страна, как Россия, исподволь перелом в войне готовит, и немцу эту пилюлю скоро в однопорядь поднесет... И по школьной дочкиной карте муж что-то вымеривал, высчитывал. А я радовалась, что в нем живет жизнь и не сломлен бедою, как за несколько лет до войны случилось с ним. Ничего-то общая беда случилась — и совместно ее легче было переносить. А перед войной Андреевич мой на железной дороге работал. Кондуктором, потом старшим кондук-

тором. Службу любил, все ей отдавал. Если у него ценные грузы были, очень переживал, пока они за ним числились. И вдруг оказалось, что на путях стоит такой вот очень ценный вагон. Со спиртом. Только незаприходованный и неизвестно как попавший на эти пути... Пришли за мужем белым днем, повели куда-то. Пошел он и не вернулся. День проходит, сутки идут, другие, третьи. Я мечусь сама не своя по разным местам, нигде мне ничего не говорят, только мимо меня смотрят и по другому адресу посылают. Время было нелегкое. Стала я отчаиваться, а тут наведались товарищи из его бригады (любили Илью Андреевича за доброту и честность):

— Что ж это, Дарья Петровна, такое, разве он может взять? Нет, надо нам всем идти на Петровку, выручать вашего супруга.

Ходили не ходили — не знаю, только через месяц является мой Илья Андреевич. Суровым, сдержанным стал. С работы на железной дороге ушел. Все спрашивал меня:

— Что я людям скажу? Как объясню им, что чужого сроду не брал?..

А вообще был он смелым и ради работы на любой риск шел, себя забывал. Однажды на перегоне букса задымила. И состав был не с ценным грузом, а порожним шел, так Илья Андреевич все равно забеспокоился, спустился на подножку, чтоб разглядеть буксу, и ударило его об столб... Встречный поезд подобрал, в медпункт доставили. А он такой был человек: «Мне на службу надо. Не отпускайте, сам уйду». И отпустили битого. Еле добрался потом до дому...

Труженик был. Без дела сидеть не умел. Еще были мы с ним молодые, жили дома, в деревне Гостыж, там у нас Миша в двадцать четвертом году, двадцать первого ноября, родился. Илья Андреевич в свободное и отпускное время стал напиматься на стройку кирпич бить. Так его и запомнила в той поре: сидит на корточках и молотком, весь в дело погруженный, бьет по тем кирпи-

чикам, ими дорожки в парке утрамбовывали. Второму сынку на еду и одежду зарабатывал отец наш...

Миша на него очень похож. Тоже не приучен без дела сидеть и глядеть, как родители работают. Оттого, наверное, и школу на ремесленное так рано сменил. Очень совестливый паренек был. А как война началась, все стало ему казаться, что женщины смотрят на него и думают: наши вот мужья и сыновья воюют, а этот в тылу околачивается. Но если б он глянул сам на себя, понял бы, что ошибался. Мише еще и семнадцати не исполнилось, таких в армию, хоть и тяжело очень было, не брали. Да он еще вдобавок худой и высокий вымахал, и теперь от недоедания и недосыпания лицо вовсе с кулачок сделалось. Только глаза большие-большие и остались на нем. Кто на такого мальчишку согрешит, будто он от фронта увиливает?

Что Миша с друзьями на площади Ильича какого-то завмага-ворюгу с машины ссадил, соседи сообщили. И что его однажды зажигалкой, рядом упавшей, чуть не ожгло, это я тоже не от сына — от его товарищей узнала.

Только однажды Мапе он сказал, что пойдет в армию проситься. Надеялся: сестра не перескажет мне его слова.

В один из дней вместо сводки утренней, привычной вдруг песню запели: «Вставай, страна огромная...» Страшно вдруг стало оттого, что под Москвою очень плохо. Тогда-то Миша и сказал сестре, что пойдет в военкомат. Я случайно услышала, да смолчала. Хоть боязно за мальчишку было, не стала отговаривать. Недаром в народе считают, что в иные времена совесть дороже жизни бывает. Видно, настала такая пора.

Так и стал младший мой после завода частенько в военкомат с дружками ездить, тоже вроде как бы на работу.

КУРСАНТСКИЙ НЕЛЕГКИЙ ХЛЕБ

Первый раз Миша Климов появился в военкомате на Марксистской улице 20 октября. В призыве отказали: нет даже семнадцати.

Миша приходил сюда еще не раз и не два, точно на дежурство. После трудных ночных смен несколько раз на неделе ездил на Марксистскую, каждый раз надеясь, что уже вышло распоряжение призывать тех, кто «с двадцать четвертого».

Наконец в самом конце лета 1942 года объявили о призыве сразу двух возрастов — парней 1924 и 1925 годов рождения, восемнадцати- и даже семнадцатилетних. Должно быть, не только тяжелая военная ситуация сыграла тут роль. Множество парней и девушек стучались по всей большой стране в двери военкоматов, посылали заявления, рапорты, жалобы повсюду, до Центрального Комитета, Верховного Главнокомандующего и Наркомата обороны включительно. Вот и появились небывало знойным, трудным летом сорок второго года на военкоматовских просторных дворах ребята «с 24-го» и «с 25-го».

Без плача, с достоинством, со сдержанной суровой горечью проводила на войну своих мальчишек и Рабочая улица.

— Поседемь в танковое училище, — сказали призывни-

ку Михаилу Климову, по оп ответил, что хочет только на фронт.

— Про «хочу — не хочу» в армии придется забыть, — сказал тихо серый от усталости военком, когда к нему привели стронтивного парня. — Токарь-револьверщик, слесарь пятого разряда, самый что ни на есть рабочий человек, — кого же, как не таких, обучать на танковых командиров. Выучились и сразу поедешь на фронт, в тылу не оставим, я тебе гарантирую. Войны на твою долю хватит. Все понял? А сейчас кругом марш, идти выполнять первый военный приказ!

Как ни тяжело бывало на фронтах, особенно под Сталинградом и на Кавказе, сотни тысяч офицеров и солдат занимались боевой учебой — сибирский, уральский, волжский, среднеазиатский тылы настойчиво готовили командные кадры для будущих наступлений Красной Армии. Поэтому Михаил, как и многие его сверстники, отправился вместо запада на восток — во Второе Горьковское танковое училище, располагавшееся в заволжской глухомани, в тихом лесном городке Ветлуга.

Райвоенком не ошибся — вчерашние рабочие оказались отличными курсантами. Они старательно учились боевому мастерству, исправно, без натуги, несли нелегкую караульную службу, не роптали на строевых занятиях. На уроках по отработке синхронности движений рук, занятых горизонтальной и вертикальной наводкой танкового орудия, не было токарям равных.

Оглашая тяжелым гулом окрестные деревеньки, качаясь на выбоинах дорог, проложенных среди лесов и болот, шли курсантские танки Т-34 — тридцатьчетверки. То были могучие первоклассные машины, превосходившие своими боевыми качествами и вражеские танки, и тапки, присылаемые нам по ленд-лизу союзными странами — Англией и Америкой.

На этих самых тридцатьчетверках и предстояло воевать будущим лейтенантам.

ВТОРОЕ ГОРЬКОВСКОЕ ТАНКОВОЕ

Рассказ полковника Раевского

На пустом, неподготовленном месте оно родилось и выросло. Среди ветлужских совсем мирных учреждений вроде музея, лесотехникума, горкоммунхоза, школ, кинотеатра, клуба...

Перед своим назначением начальником училища я вынашивал совсем другие плапы. Обязанности боевые исполнять хотелось, но не получилось — ни осенью сорок первого, ни летом сорок второго.

Сначала вроде бы повезло — послали меня на стажировку на Брянский фронт. Ее я проходил в танковом корпусе знаменитого генерала Лизюкова. Под Ельцом в неравных боях, характерных для сорок второго года, я командовал Второй мотострелковой бригадой. И так замеснула боевая страда, что, как о деле решенном, стал подумывать о рапорте. Послал его. Одну просьбу в нем выразил: просил, чтоб дали танковую бригаду и немца бить оставили. На юге обстановка складывалась не в нашу пользу, и меня совесть мучила в такую пору возвращаться с фронта вновь на пелегкую, но все-таки не боевую роль начальника училища. Однако командующий бронетанковыми войсками Красной Армии генерал-лейтенант Федоренко иначе распорядился.

Вызвали меня в Москву. Командующий принял тотчас, как только доложили ему о моем прибытии.

— На твой рапорт — отказ! — отчеканил генерал, когда я, не кривя душой, рассказал, что хотел остаться в танковой бригаде.

— Выкинь это, полковник, из головы, — сказал уже просто Яков Николаевич. — Поедешь в свое училище. Для тебя теперь оно — фронт. Не век же нам отступать, надо ковать командирские кадры для будущих наступлений. Пойми это и умом и сердцем да и опять за работу!

Позике, когда наши войска перешли в наступление и погна́ли фашистов, в одну из встреч внимательно всмотрелся я в генерала Федоренко: лицо у него темное, глаза бесконечно усталые, в коричневых обводах, курит беспрерывно. Видно, на пределе всех физических сил, только на одной воле держится. «Вот, думаю, и «тыл» — снаряды не рвутся, бомбежек нет, а работа, напряжение не легче, чем на фронте». И совестно мне стало перед этим измотанным, вечно напряженным, несущим громадную ответственность человеком. Многие в наших судьбах было схожим. Воевал Яков Николаевич в гражданскую на бронепоездах, был в Первой Конной... Военная косточка. Как боевой командир, он без сомнения рвался на фронт, но обязанности, долг большевика велели быть там, где нужнее...

Как-то довелось мне узнать, что в самом деле просился он в действующую армию, да Сталин ответил, как отрезал, что товарищ Федоренко останется на прежнем посту до тех пор, пока это сочтут нужным Ставка и Государственный Комитет Обороны. Но это я узнал много позднее, а тогда, летом сорок второго, возвращая меня в училище, командующий, будто не видя моего расстроенного лица, наставлял:

— Отправляйся, Федор Николаевич, немедленно к месту назначения, нам надо честно и беспрекословно исполнять свои обязанности. Пусть не мы сами, а наши воспитанники будут бить врага. До полной победы. А теперь — сам рапортов не пиши и подчиненным запрети. Верховный Главнокомандующий так и сказал: для начальников училищ фронт — это подготовка кадров. Ясно? А если ясно — желаю счастливого пути... — И подал на прощание руку.

Повернулся я по-уставному через левое плечо и поехал в далекую, тихую, немилую мне в ту пору Ветлугу, где уже полгода, с осени 1941-го, располагалось вверенное мне училище и куда я рассчитывал уже не вернуть-

Начальник 2-го Горьковского танкового училища полковник Ф. Н. Раевский (слева) и военком бригадный комиссар Н. Н. Прохоров. Город Ветлуга, 1942 г.

ся. Многое с ним было уже связано у меня. Первой военной зимой создали его в Ветлуге в кратчайшие, почти невыполнимые сроки.

В двадцати трех городских «точках» разместили училище. Школу и техникум потеснили, у музея и военкомата едва ли не всю их «жилплощадь» отняли. Словом, кое-как наскребли помещения под казармы и учебные классы. Захлестнула меня эта деятельность, она и покоя лишила, а мечты об участии в войне, о командной должности на фронте тревожили разве только во время короткого ночного отдыха. Днем же я себе совершенно не мог принадлежать. Чем только не приходилось заниматься! Сооружением танкодрома для обучения вождению и контролем за выпечкой хлеба. Оборудованием полигонов для

стрельбы и налаживанием здоровых, деловых взаимоотношений с местной властью. Укреплением командно-преподавательского коллектива... Надо было помогать хорошим работникам, сдерживать увлекающихся, подтягивать ленивых и тугодумов, одергивать недостойных.

Все это пужно было делать корректно, твердо, последовательно, энергично. И при всем том не упускать главного — ковать надежные в военном и политическом, идейном и правдивом отношении кадры будущих танкистов. Тех, кому предстояло принять участие в будущих мощных, всесокрушающих танковых наступлениях.

А в том, что это время придет, никто из нас не сомневался даже в самую лихую пору.

Разъехались мои командиры и преподаватели: на танковые заводы — за матчастью, в учебное управление — за наглядными пособиями, на фронт — за боевым опытом, в многочисленные снабжающие организации и ведомства, к шефам — за снарядами, патронами и толом, портяшками, валенками и тетрадками...

А время не стояло на месте, и война торопила.

Прибывали курсанты — зеленые пареньки с не отмытыми от школьных чернил пальцами, и студенты самых разных вузов и различных курсов, и участвовавшие в боях младшие танковые командиры. Формировались взводы, роты, батальоны. Ускоренными темпами (по индивидуальной программе) занимались слушатели спецбатальона — подразделения прорыва: сюда зачислялись лучшие из лучших и только члены и кандидаты партии из числа фронтовиков. Не хватало учебных пособий, и ребята занимались под открытым небом, за грубо вытесанными столами. Когда урок прерывал дождь, тетради с конспектами прятали под шинели. Начинались холода, ранние даже для этих северных мест, и руки курсантов, держащие карандаши, разбирающие заледенелые части клина затвора пушки, детали мотора, трансмиссии и ходовой части, зябли, синели, даже стали опухать. Часть курсан-

тов была одета не по-зимнему — в пилотки, легкое обмундирование. При скудном «тыловом» рационе мучительно были для парней долгие часы на холоде. Три батальона жили хоть и в тесноте, но под крышей, а четвертому пришлось сооружать бараки. До самой весны степы в этой казарме «плакали» — сухого леса не нашлось.

Возвратился я в Ветлугу после разговора у Федоренко и снова втянулся в работу. Теперь уже знал: на войну меня не пустят и надобно мечты о фронте оставить.

А жизнь училищная — бурная, напряженная — стремительно шла вперед. Курсанты учились, прибывала техника, стенды и учебные пособия. В декабре на ближнюю к Ветлуге станцию Урень прибыла долгожданная часть — средние танки Т-34 и легкие Т-70. Часть машин оказались новенькими, только что с завода, с еще не облупившейся серо-зеленой краской. На нескольких броня была в шрамах и вмятинах. Особенно сильное впечатление производил тапк-ветеран: у тридцатьчетверки большую вмятину на лобовой броне оставил вражеский снаряд. На всю жизнь запомнилась мне эта живучая, приметная, неистребимая машина: точно человек, на лице которого оставила страшную метку война, а он продолжает непреклонно, твердо исполнять свои обязанности.

Весь отряд — восемь танков — прошел от Урени маршем полсотни километров по лесной дороге вполне благополучно. И остановился на другом берегу.

До танкодрома тридцатьчетверкам и семидесяткам оставалось пройти каких-то два-три километра. Но моста через реку нет. А машины срочно нужны училищу на этой, городской стороне Ветлуги. И тогда приняли мы решение — переправить танки по дну реки. Были мы с Прохоровым — комиссаром училища и всем руководящим составом уверены, что оригинальное предложение на форсирование реки подо льдом поможет офицерам впредь искать собственные смелые и разумные командирские решения в любой обстановке.

ТАНКИ ИДУТ ПОДО ЛЬДОМ

Рассказ полковника Раевского

Знакомясь с личными делами курсантов, я обратил внимание на краткую приписку в личном деле Климова Михаила Ильича, сделанную кем-то из работников Таганского райвоенкомата Москвы. На отдельном листочке как говорят, «не по форме», «от себя», какой-то старший лейтенант написал: «К сведению командования училища. Будучи допризывником, не достигшим 18-ти лет, тов. Климов М. И., 1924 г. р., неоднократно, начиная с середины октября 41 г., регулярно являлся в райвоенкомат с настойчивым желанием уйти добровольцем на фронт, в чем ему каждый раз вынужденно отказывали. Характером обладает твердым, упорным. Опыт работы с призывниками дает основание полагать, что из тов. Климова может получиться хороший командир Красной Армии».

Посмотрел я на фотографию Климова — обычное юношеское лицо: светлые глаза, темно-русый чубчик, какие носили мальчишки до войны чуть ли не по всей стране. Подбородок крутой, волевой.

«Этот, подумалось мне, службу курсантскую должен без патуги нести и о фронте мечтать». (А сам я к этому времени уже запретил себе о передовой даже и думать, чтоб душу не травить).

Считанные месяцы отводились во время войны на подготовку командиров-танкистов. Им некогда было, в отличие от курса обучения мирного времени, «дозреть» в последующей повседневной службе. Нашим лейтенантам приходилось прямо из училища идти в бой, минуя весьма привычную пору командирской «юности». Боевую зрелость они обретали и утверждали своим мастерством, а порой и собственной кровью и даже жизнью.

В нашем училище установился вполне определенный стиль поведения всего личного состава. И постоянного — командного, преподавательского, и переменного — курсан-

гов. В повседневном обучении курсантов участвовал весь коллектив училища — дружно, честно, слаженно. Все усилия мои как начальника училища, комиссара Прохорова, командиров и преподавателей сводились к созданию именно таких условий, такой деловой, творческой атмосферы в нашем Втором Горьковском танковом. Конечным выводом из нее стал кем-то введенный в каждодневный обиход афоризм: «Невозможное — возможно, а возможное — вдвойне».

Проверкой явился эпизод с проходом танков по дну Ветлуги.

Мы принялись за решение задачи со многими неизвестными. А дано нам было следующее. Ветлуга при рано наступивших сильных морозах быстро замерзла, и подо льдом уровень воды упал, отчего нарастание ледяной толщи прекратилось. Лед завис, образовав нечто вроде моста. По нему без опаски пошли с берега на берег сани, даже автомашины. Расчеты показали, что мы сможем переправить прибывшие в составе танкового отряда легкие семидесятки; тридцатьчетверки же продавят ветлужский «мост» и уйдут на дно.

Дно реки — одно из главных неизвестных. Ветлуга глубока — до пяти метров, и довольно широка. Однако и не такие реки форсировали наши могучие Т-34. Но это делалось по чистой воде, а тут над рекой ледяной мост. Может быть, стоит пробить лед от берега до берега? Делать «коридор» вручную — вода при тридцатиградусном морозе быстро застынет, рвать толком — никаких училищных запасов взрывчатки на это не хватит. С помощью старожилков после промеров льда, изучения берегов нашли подходящий брод, неглубокий, с песчаным надежным дном. Назначили время переправы. Собрали личный состав училища.

Крепчайший в то ясное январское утро 1943 года стоял мороз. Однако с реки никто не уходил. Заранее у обоих берегов по моему приказанию толком взорвали лед

для беспрепятственного входа танков в реку и выхода из нее. Было установлено, что ледяной свод достаточно высок и башни танков его не заденут. Тщательно во всех машинах экипажи задраили люки и густо промазали все щели солидолом. Пулеметы сняли, а отверстия забили деревянными пробками. Выхлопной патрубок нарастили и вывели на уровень башни. За первой машиной потянулись стальные тросы — для страховки, если придется вытягивать танк «за хвост» обратно.

Кажется, мы с комиссаром Прохоровым в тот день были бледнее обычного. Очень волновались оба — главная-то ответственность на мне и на нем, и ответственность немалая. Николай Иванович, старый коммунист, скромный и принципиальный и в большом и в малом, накануне еще раз мне повторил, что, чем бы ни кончилась переправа, он, как и я, за нее в полном ответе. Потеплело у меня на сердце, и ответил я комиссару своему, что иного от него и не ожидал.

Я дал сигнал, и в первую машину влез сосредоточенный, деловитый водитель — фронтовик старшина Смирнов. Подошли мы с комиссаром к танку, и я заглянул внутрь тридцатьчетверки:

— Как у тебя дела, Смирнов?

— Все в порядке! — ответил старшина.

— Ну, давай, заводи и трогай потихоньку.

Стих гомон на обоих берегах. С ревом поползла машина к урезу воды. Секунду постояла, точно принявшись, и осторожно вошла в реку. Два других танка подошли к проруби и стали с обеих ее сторон с работающими двигателями — на случай, если придется тянуть обратно отважного «первопроходца».

Я оглядел берега реки — множество людей, паших, военных, и местных, застыло в напряжении.

Подо льдом слышится мерное гудение дизеля. Смирнов идет, ориентируясь на слабый свет, падающий из заранее пробитых круглых лунок.

Одну за другой он минует их, оповещая о своем местонахождении подледным гулом, выхлопным дымом из лунок. Окруженные офицерами, медленно идем с комиссаром к другому берегу.

Курсанты двигались совсем близко, и я услышал звонкий мальчишеский голос:

— Молодец Смирнов! — Это не выдержал кто-то из молодых.

Я обернулся: паренек тощий, синеглазый, замерзший, но довольный. И лицо знакомое.

— Климов, Миша, а ты рискнул бы вот так? — спросил его товарищ.

Я вспомнил: тот самый, что в Москве военкомат «атаковал», и Прохоров, который все помнил и всегда был в курсе дела, тронул меня за рукав шинели:

— Тот самый.

Я кивнул.

— Ни за что! — ответил честно Климов. — Я сразу бы заporол в сторону или заглушил двигатель. — Когда уверенности в работе с рычагами нет —дохлое дело рисковать.

Напряжение в толпе зрителей достигло высшей точки. Тросы равномерно уползают в воду за танком, большие половины пути машиной пройдено. Но ведь не говори «гоп»...

Я смотрю на комиссара, он — на меня.

— Пройдет, Николай Иванович? — спрашиваю я тихо.

— Пройдет, Федор Николаевич, — так же тихо он отвечает.

Все-таки чрезмерно мы волнуемся. Хотя не только отвечаем за материальную часть, но и за успех всего этого, в общем-то очень рискованного предприятия. Ведь нашим курсантам, возможно, придется подобное производить в боевых условиях, под огнем. И успех сегодняшний (или неуспех) запомнится им надолго... Мы с комиссаром сейчас думаем об одном и одному общему нашему «танковому богу» молимся: помоги тридцатьчетверке.

— Ур-ра-а! — несется с уже недалекого городского берега, и весь народ кидается на речные кручи. Танк, освобожденно ревя двигателем, скатывая с себя потоки воды, легко берет подъем.

Откидывается с лязгом люк водителя, и показывается в нем сдержанно-довольное, широкое, доброе, усталое лицо Смирнова. Старшина выбирается из машины, докладывает мне и комиссару. Благодарю его за службу, отпускаю, и он вразвалку шагает назад, на тот берег. У механика-водителя есть уже какой-то опыт подледного «плавания», он поведет и вторую машину.

Чепе случилось только с седьмой, предпоследней. Водитель тридцатьчетверки сбился с трассы и заглушил двигатель. С невероятными усилиями удалось ему завести замершую машину.

— Точный расчет и немного риска... — Я не скрыв радости, когда все кончилось благополучно. Мне даже хотелось в какое-то мгновение сорвать с головы папаху и с маху бросить под ноги себе: «Где наша не пропадала?!» Так я делал после удачных действий нашей батареи на Южном, деникинском фронте гражданской войны, когда совсем юнцом был, таким же худым и неунывающим, как этот курсант Климов.

Подошел секретарь горкома, немолодой уже, но и не старый еще мужчина, по виду ровесник нам с комиссаром. Сильно напирая на «о», сказал:

— Ну, товарищи, теперь мы с вами на коне. Точнее — на танке. Я сейчас подумал, какое сильное агитсредство эти машины для нашего города. Немца окружили и громят под Сталинградом эти же самые тридцатьчетверки. Они как наглядное пособие нам, ветлужанам. Война кончится, годы пролетят, а здесь будут помнить об этой переправе. Имена наши негромкие забудут, как и лица наши, мы все для потомков сольемся в едином облике богатыря, который отчеканят на медалях. Вот с такого парня, как этот, скульптор и станет лепить наш коллективный образ.

Смотрите, какое у него волевое лицо, хоть он еще совсем мальчишка.

И неприметно указал секретарь на того самого курсанта, о котором я в ту пору думал. Так состоялось наше с Климовым «очно-заочное» знакомство, о котором он и не подозревал.

ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ

Рассказ курсанта Климова

Командир батальона капитан Нещерет преподавал у нас тактику. Он был прирожденным танкистом, влюбленным в этот род войск. Лекции Нещерета по тактике становились настоящими поэмами в прозе в честь наших бронетанковых сил.

В боях сорок первого года под Москвой, под Воронежем, в только что отгремевшем Курском сражении наши танки, особенно тридцатьчетверки, часто выходили победителями в схватках с тяжелыми фашистскими машинами. Отличная маневренность, хорошее огневое оснащение (семидесятишестимиллиметровое орудие и два пулемета), удачные обтекаемые формы корпуса и башни, превосходная, уральской плавки, броня (ее секрета так и не смогли раскрыть охочие до подражания крупновские специалисты) — все это сделало наш Т-34 грозной боевой машиной, лучшей среди всех известных мне танков.

— Завидую вам, хлопцы, что вы будете воевать на таких танках, — сказал на последнем занятии капитан Нещерет. Он вдруг взял свою палочку под мышку и, тяжело припадая на ногу, пошел к остановившейся поодаль тридцатьчетверке. Это означало, что урок окончен и можно покурить. Мы обступили капитана. Мы очень любили его и высоко ставили «внеклассные» разговоры с ним.

— Эти бы машины нам в Испанию, хотя бы одну-единственную бригаду, — с грустью заговорил капитан,

постукивая кулаком по бортовой броне. — Мы провели бы за собой республиканцев от Мадрида до Кадикса и сбросили бы в океан франкистов и интервентов. Эх, да что говорить! Ладно, сочтемся еще с ними за все.

Для меня капитан Нещерет — образец советского командира-танкиста. Волевой, строгий к себе и другим, но справедливый и, главное, на все имеющий свою точку зрения.

Нещерет знакомил нас не только с тактикой. Он приходил на занятия по материальной части, на стрельбы и вождение. Он делал все от него зависящее, приучая курсантов быть терпеливыми и настойчивыми, дерзкими в решениях и упорными в достижении цели. И нередко учил на личном примере. Однажды в сильный мороз он пришел на танкодром, где предстояло вождение. При всех, чтоб узнать температуру воды, предназначенной для заливки в двигатель, он опустил в ведро руку и не отдернул. Он требовал, чтобы курсанты научились на его примере работать на морозе без рукавиц.

— Нельзя быть в плену у холода, — наставлял он нас. — Учитесь преодолевать собственные слабости. Прежде чем самим согреться и поесть — осмотрите, проверьте машину и устраните малейший дефект. Иначе в бою вы станете неподвижной мишенью.

Он добился от нас такой натренированности в наводке орудий, что на выпуске председатель экзаменационной комиссии, прибывший из округа, решил, что перед ним инструкторы, а не курсанты. И это была, хоть и невольно, высшая похвала и нам.

Все в училище было подчинено главному: сделать из нас хороших офицеров-танкистов.

Тяжело доставалось нам учение, особенно зимой. Хотя и летом тоже было трудновато. По 10 часов занятий да еще два часа самоподготовки. И по воскресеньям тоже приходилось готовиться. До изнеможения повторяли мы задания на определение дистанции до цели. На время

(с завязанными глазами!) разбирали и собирали пресловутый клин орудийного затвора. И еще многое приходилось изучать, выполнять, выдерживать. В том числе и овощи заготавливать. И всем батальоном на лыжах в Урень за продуктами ходить, когда дорогу заметало (50 градусов ниже нуля, пятьдесят километров туда, столько же обратно, а за спиной вещевой мешок, и в нем 30 банок консервов). И лес по Ветлуге сплавать для нужд училища. И землянки строить для жилья. Но мы знали: на фронте нашим товарищам тяжелее, и без нутя сносили любые тяготы.

Программа подготовки танкового командира для мирного времени предусматривала трехлетний срок, теперь он был сокращен более чем втрое. Так, к примеру, на вождение танка отпускалось всего несколько часов. Если же учесть, что сюда входили такие «уроки», как осмотр и подготовка тридцатьчетверки к движению — прогрев ее, наблюдение за приборами и даже отработка переключения передач в классе на тренажере, — то, по существу, собственно вождение составляло жалкие два-три часа.

Вот, наконец, боевые стрельбы на полигоне. Первые в моей жизни. Сдерживаю волнение и четко, заученно веду ствол орудия. В перекрестии прицела — мишень. Жму ногой педаль. Выстрел. Гулкий гром отдается в танке. Еще выстрел, еще. «Как там у Климова с попаданием? Все три снаряда в цель? Отлично, молодец танкист!» — Это говорит капитан Нещерет, который ревниво следит за успехами своих питомцев. Выбираюсь из машины и молодцевато (наверное, со стороны кажется по-петушиному) отвечаю: «Служу Советскому Союзу». А в голове мысль: «Жаль, больше снарядов не дали, разве тремя выстрелами отведешь душу?..»

Подопило зачетное вождение: надо было трижды проехать по танкодрому, на первой и второй скоростях, всего три километра. Расстояние малое, но хочется продлить удовольствие. Нарочно тянусь последним и са-

жусь в танк после всех. Дорога покорно ложится под гусеницы. Танк рвется на предельной скорости. Впереди крутой склон, машина послушно сползает в овраг, мощный дизель ревет ровно, уверенно одолевая подъем.

Ощущение необыкновенного восторга, больше того — какое-то оныянение властью над мощной машиной, над дорогой, над пространством, над всем окружающим. Мне начинает казаться, что моя личная сила вдруг выросла до размеров необыкновенных, вышла за рамки привычной, малой человеческой силы, и я почувствовал себя так, точно я великан, богатырь. Захочу — поверну в другую сторону, пробью себе путь сквозь лес и болото, переметнусь на танке через реку. Ведь я со своей тридцатьчетверкой — единое всесильное целое...

Опять лесная дорога, деревья быстро бегут навстречу и, расступаясь, падают, падают назад. Сколько я езжу? Наверное, часа два, надо возвращаться. А вдруг отчислят из училища накануне выпуска? Знаю: полковник Расвский при всей доброте крут с нарушителями...

На краю танкодрома стоит, опираясь на палочку, капитан Нещерет. В открытый люк вижу его непривычно суровое, каменное лицо. Ну и дурак и скотина я. Заставил командира дожидаться целых два часа. Глушу двигатель, выпрыгиваю из люка:

— Товарищ капитан, курсант Климов выполнил положенные упражнения по вождению танка.

— Пач-чему нарушили дисциплину? — гремит на весь танковый парк голос комбата. Капитан не кричит, он только по-командирски форсирует голос, а это, по-моему, признак крайнего гнева — на моей памяти еще ни разу он не позволял себе повысить голос. И лицо потемнело от гнева, и округлились глаза. Лучше бы он по-отцовски огрел меня этой палкой, чем слушать этот звенящий металлом голос и чувствовать сдерживаемый с невероятным трудом гнев любимого командира. Я — последний подлец

н, если это для меня пройдет благополучно, даю себе слово больше дисциплину не нарушать.

— Мало часов на вождение дают, разве научишься?.. — мямлю я в ответ.

— Состояние машины? — обрывает Нещерет. — Температура воды? Температура масла? Давление масла?

— Все в порядке, товарищ капитан.

— Не может быть! — с трудом занеся изувеченную ногу, он влез в танк, поглядел на щиток водителя, выбрался. Лицо уже не казалось мне таким каменным.

— Хорошо водил машину, танкист.

— Служу Советскому Союзу!

— А теперь получи пять суток строгого ареста, самовольщик. На губу сейчас же! Пока я тебя палкой не поглядел...

— Слушаюсь! — я почти кричу от радости. Ведь в армии дважды не наказывают. Наверное, Нещерет поторопился дать мне пять суток губы, чтобы старший начальник не использовал данные ему гораздо большие возможности и не отчислил из училища.

Капитан вдруг осекается. Оглядываюсь. Начальник училища. У меня все внутри обрывается — вот попал!

— Товарищ полковник, курсанты четвертого батальона...

Тут Нещерет вдруг запирается. Но только на секунду. Потом докладывает, что курсанты батальона сдают зачеты по вождению.

Понял или не понял начальник училища, что здесь произошло?

— Вольно, — говорит полковник Раевский спокойно, даже ласково. — Что вы делали? — Это уже вопрос мне.

— Водил машину.

— Что — вы — делали? — раздельно чеканит полковник.

— Докладывать или рассказывать?

— Как хочешь, — блеснув глазами, говорит он, и тогда я честно объясняю, что на вождение мало дано часов и я побоялся не научиться управлять танком.

— Так что ты делал — ездил? — интересуется полковник.

— Нет, я водил танк. Ездят — извозчики.

— Дерзишь? — с любопытством спрашивает Раевский.

— Нет!

— Температура воды, давление масла?

— В норме.

— Проверял? — Это вопрос Нещерету.

— Так точно.

— Отлично он водил машину, товарищ полковник, — говорит громко, так, что далеко слышно, старший техник-лейтенант Тулинов. — Как его преподаватель готов поставить высшую оценку за вождение курсанту Климову.

Полковник Раевский оживает.

— Это хорошо, что все в норме, — задумчиво говорит начальник училища. — Плохо же то, что сейчас война и три года учить мы курсантов не можем. Плохо, что за тебя вынуждены вступить офицеры, твои наставники, и хорошо, что они тебя хвалят. Давай, Климов, поступим так — половину вины на нее, па войну, скинем, а половину на твою недисциплинированность. Сколько вы ему дали — пять суток? — Это вопрос Нещерету. — Ну и достаточно, добавлять наказание не в моих привычках и убавлять тоже. Думаю, курсант Климов получил отличный ур-рок...

О, урока лучше не придумать! Повернувшись кругом, я ухожу, споткнувшись на ровном месте. Несколько пар глаз словно прожигают мне спину. Не осталось у меня в запасе бранных слов, адресованных в собственный адрес, пока я шлепал до гауптвахты...

В одно осеннее утро дневальный повторял обычное: «Подъем!», «Выходи строиться!», «На завтрак шагом

марш!..» В наряды рота не ходила уже несколько дней — полковник приказал освободить от них «без пяти минут офицеров». Это было верным признаком скорого окончания училища. И вдруг долгожданная и все же неожиданная команда:

— Р-рота, становись!

Это был приказ. О производстве в офицеры. Где-то в середине списка новоиспеченных младших лейтенантов фигурировал и Михаил Климов. Все остальное промелькнуло, как в калейдоскопе: взаимные поздравления, дружеские объятия, напутственные слова полковника Раевского, комиссара Прохорова, капитана Нещерета. В училище получены только начальные, самые общие военные знания, науке боя предстоит учиться на войне, где все будет проверено самым суровым образом...

Неведомыми путями весть о выпуске курсантов доходит до «гражданских», и вот уже у грузовиков с молодыми офицерами стыдливо переминаются городские и фастовские и хохонихские девчата, принесшие своим парням незамысловатые подарки.

Прощание с училищем оказывается радостным и грустным одновременно. Капитан Нещерет пришел провожать нас к машинам печальный, расстроенный.

— Хочется с вами, на фронт. Да шесть рапортов вернули с отказом. Сейчас ожидаю ответа на седьмой, — проговорил он, пожимая нам руки. Меня почему-то обнял, потом оттолкнул. — Ну, счастливо, Миша, воюй там как положено.

Впервые назвал по имени. А я даже не узнал, как его имя-отчество, откуда он родом, есть ли у него семья.

Меня никто из девчат не провожал и никто, кроме родных, нигде не ждет. Не до всего другого сейчас, пока война. Так я убеждал себя, а сердце все же щемило невольной грустью.

Потом запрыгали наши грузовики по уличным колдо-

бинам, а вслед понеслись прощальные крики, медные всплески оркестра. Нырять на ухабах, шли машины по очень знакомой дороге на станцию Урепъ. Печаль моя развеялась. Я жадно поглядывал по сторонам. Год назад этим же маршрутом топали мы от станции в училище. Было тепло. На солнце, у пыльного края коричневой дороги, грелись разомлевшие ужй. Из болотистой, дышащей пряной сыростью лесной чащи вырывалась тугая волна звуков: вперехлест, надсаживаясь, кричали как-то птахи. Мачтовые ели и пихты сдержанно гудели о чем-то своем, но очень мне близком и волнующем. И меня, городского парня, выросшего в дымных заводских кварталах, где трава и деревья задавлены булыжником, никак не выбьются к солнцу мимо заслонивших их домов, меня поразило незнакомое очарование этой лесной сказки. То была моя Родина, моя Россия! Никогда я здесь не был, родился на Тульщине, жил в Москве, но вдруг увидел этот старый дедовский лес, обомшелый, не пропускающий через себя солнце, и повлажнели глаза, и захотелось стрекануть босым в чащу, а выбившись из сил, упасть лицом в мокрую изумрудную траву и застыть так, чтобы услышать скрытые звуки этой земли, а ей секретно передать стук своего сердца... Об этих минутах осталось с минувшего лета одно воспоминание, а само чувство падежно, прочно засело где-то в самой глубине моего существа. Мы заночевали тогда в какой-то придорожной деревне, устроившись в сарае, забитом до самых стропил сухим сеном. Я не смог заснуть — меня волновал этот забытый, из детства самого, запах. Я ушел в лес и бродил там в густой темноте несколько часов, слушая без всякого страха, с тихим восторгом ночной лес: вопли каких-то птиц, дальний, может быть и волчий, вой, перестуки, скрипы, крахтенье несуществующих леших...

Теперь лес, через который катили машины, был другой, отвернувшийся от меня, но я уже любил его всяким и по-дружески простился с ним.

Проехали мы, не останавливаясь, через Горький. Третий запасной танковый полк, дислоцированный под городом, принял нас, новичков. Каждая обширная землянка вмещала роту — десять экипажей. Мне представили трех членов моего экипажа. Это были: механик-водитель, старшина лет тридцати пяти, — Кижаккин Иван, ростовчанин, человек степенный, знающий себе цену, ссутулившийся, точно под бременем боевых забот; широкоскулый щуплый быстроглазый якут Коля Васильев, башнер, младший сержант, парень чуть постарше меня; стрелок-радист сержант Вапюшка Никитин, небольшого росточка, коренастый, как дубок, орловец, меня еще помоложе.

С ними предстоит мне воевать. Ходим строем на занятия — тактика, топография, строевая, но главное — приглядываемся друг к другу. Дни идут за днями. Ребята из училища дают рекомендации, и меня очень быстро, за несколько дней, принимают в комсомол и выдают билет. А к вечеру построение, и нас везут на Сормовский завод.

Свои Т-34 нам получать непосредственно в сборочном цехе. Он похож на самолетный ангар — его высоченные пролеты протянулись чуть не на полкилометра. И все линии сборки уставлены серо-зелеными знакомо-родными тридцатьчетверками.

Танки принимаем прямо от рабочих, еще «тепленькими». Некоторые экипажи регулировку заканчивают вместе с бригадами. Заводские ребята наскоро объясняют «характер» каждой машины. Потом к нам подходят перемолвиться словом усталые, перемазанные маслом люди — мужчины, женщины, девушки. Я с очень теплым чувством, со скрытой гордостью за них разглядываю этих незнакомых людей. Они не жалуются на голод и на усталость, их интересуют не личные заботы, а фронтовые дела. Мы, танкисты, закуриваем, не догадавшись угостить табакom рабочих. «Неужели они все некурящие? — думаю я. — Ну да! Они же на тыловой порме. А попросить — рабочая гордость не позволяет. «Ну-ка, братцы, нава-

лись!» — Я сообразил наконец — протянул па закурку пачку доброй моршанской махорки.

Подростки (давно ли я сам был таким?) исчезают в водительских люках, газуют и виртуозно, впритирку к колоннам, выводят тридцатьчетверки из цеха.

Нам выдали боекомплект — па танк сто снарядов, цинковые ящики с патронами, рубчатые, удобные «феньки» — гранаты Ф-1.

Через час мы уже грузились в эшелоны: танки — на открытые платформы, экипажи — в теплушки.

От Горького до Москвы нам всюду дают зеленую улицу. Заснуть не могу. Ночной торопливый перестук колес, гром ветра. К полудню остановились на Окружной, совсем близко от родного дома. «Сколько простои́м?» — спросил я железнодорожника. «Часа два, не меньше». «А что, ребята, ежели я одним глазком па своих погляжу и мигом обратно...» «Смотри, начальство хватится, беды не оберешься». «Риск — благородное дело, — вырвалось у меня. — Может, и не доведется никогда уже сюда вернуться»...

Вот и наш деревянный дом в ряду таких же неказистых строений. Два моих тополя под окном. Кирпичная красная школа, в которой когда-то учился. Малолюдно, печально на нашей Рабочей. Постоял я перед запертой дверью нашей комнатухи и побежал на швейную фабрику к матери. Пришли домой. «Нечем тебя и угостить, сыночек», — огорчилась она, жадно всматриваясь в меня.

Брат воевал. В танковых войсках, в разведке. Писал нечасто и скупо. Я спросил об отце. Ничего, работает. Сейчас полегче стало, хотя, конечно, не совсем сытно и нормы выработки больше, но в отстающих отец не ходит. Да, нет отца среди тех, кто норму не выполняет. Это мама с тихой гордостью сообщила. Мой батя иначе и не может работать — это я хорошо знал. Потому что он учил меня этому всю жизнь. И всегда на собственном примере.

Понапрасну мама разыскивала в буфете что-нибудь. Наконец зашла у соседки краешку хлеба, почистила селедку, достала кусочек сахара, и я стал торопливо есть. Отказаться нельзя — мама огорчится. Она по-прежнему работает на швейной фабрике, все шьет шипели для нас. Постарела, похудела, но старается выглядеть бодрой и даже веселой.

До свидания, мама, родная. Не горюй, не плачь. Я непременно вернусь живым и здоровым! И буду писать тебе часто. Обязательно!

До свидания, мой дом и тополя, моя улица, иду сражаться за Родину. Значит, за вас, мои родные мама и Маша, и за тебя, Рабочая улица, и за тебя, Москва, и за всю большую Россию, за наш Советский Союз.

Ждите меня с победой!

ВСТРЕЧА С УКРАИНОЙ

Номерной эшелон — безмолвные, грозные громады укрытых брезентом тридцатьчетверок — не задерживается у семафоров, на станциях и разъездах. Зеленая улица для железнодорожников конца сорок третьего года — это считанные сутки и часы для прохода внеочередных эшелонов от Волги до Днепра.

Согласно режут могучие ФД. Нескончаемый верстовой состав, лязгая и перестукиваясь с рельсами, торопливо тянется за паровозной парой. Убегают и убегают назад покореженные войной города и пристанционные поселки. Парни в ребристых шлемах стоят под хлестким встречным ветром у открытых дверей теплушек, на платформах возле своих танков.

В климовской теплушке толкотливо, дымно, весело и немного нервно. Здесь едут десять экипажей — целая рота. Воевали из них немногие, в основном взводные и еще водители танков — люди осповательные, твердые и цепу себе знающие.

А юные лейтенанты — командиры машин, девятнадцатилетние парни, их ровесники сержанты, стрелки-радисты и заряжающие, резвятся точно школьники, вырвавшиеся из-под строгой паставнической опеки. Курят, поют, разливают на донышки кружек доставленные с летучих базарчиков водку или самогон и пьют, стараясь под напускной лихостью скрыть отвращение.

Дух демократии господствует в теплушке: нет ни офицеров, ни сержантов, ни рядовых — есть веселые или грустные, задумчивые или общительные, деятельные или тихие юноши; они все ближе подъезжают к незнакомой, грозной войне, в которую предстоит им войти и в ней проверить себя.

На остановках уже явственно доносятся с запада военные громы. На одном из полустанков поезд медленно прополз между скинутыми под откос, еще дымящимися «телячьими» вагонами, которые окружили суетливые санитары и солдаты. Эшелон оцетинивается зенитными пулеметами, на открытых платформах выставляются от экипажей наблюдатели — следить за воздухом.

Осторожно, точно большое чуткое животное, движется эшелон по мосту через Днепр. Временный, деревянно-железный, он скрипит, точно стонет, и качается под машиной состава, но держит его. А люди внизу, на откосе, у самого уреза черпой воды, машут, что-то кричат, словно подбадривают машинистов. Это саперы и железнодорожники, сработавшие мост. По нему торопятся на запад, к Житомиру, где ожесточенно контратакует немец, многочисленные составы. Трудно у Житомира — враг стремится прорвать оборону советских войск, опрокинуть их в Днепр, прогнать за реку и восстановить по ней пресловутый «Восточный вал». О том, что «воины фюрера» своего добьются, поспешил заверить весь мир министр пропаганды третьего рейха «ученый» доктор Йозеф Геббельс.

Уже стало ясно всем сдущим в эшелоне, что доведется им воевать в войсках Первого Украинского фронта. Эти войска освобождали от захватчиков Киев, этому же фронту выпало прикрыть столицу Украины от напирającego врага. И очень скоро новички узнали, что прибыли на пополнение Третьей гвардейской танковой армии, которой командует известный военачальник генерал-лейтенант танковых войск Павел Семенович Рыбалко.

Армия эта явилась детищем Великой Отечественной войны — была она сформирована летом трудного 1942 года, в канун грядущих наступлений. (Героя нашего очерка в это время еще не призвали в армию.) Боевое свое крещение Третья танковая получила в августе — сентябре, когда на левом, южном крыле Западного фронта смело контратаковала перешедшего в наступление противника и в тяжелых встречных боях заставила его отказаться от намеченного наступления на Москву. Действия армии в Козельской операции способствовали достижению крупного оперативного успеха и получили у Ставки высокую оценку.

Четыре месяца спустя, лютым снежным январем 1943 года, действуя в составе войск Воронежского фронта, армия прорвала оборону врага в районе Россоши и через двое суток вырвалась на оперативный простор, беря в клещи огромную группировку противника. Не мешали танкистам ни пурга, ни бездорожье, ни сопротивление врага. Командующий решительно запретил своим комкорам и комбригам ввязываться в затяжные бои — они должны были стремительно прорваться вперед, смело резать коммуникации, уничтожать резервы, дезорганизовать вражеский тыл. Иными словами — они должны были выполнить то, ради чего и явилась на свет их армия. Рыбалковцы великолепно справились с труднейшей боевой задачей. Вслед за катастрофой под Сталинградом гитлеровские войска попали в острогужско-россошанское окружение, в котором только Третья танковая армия уничтожила и пленила свыше ста тысяч их солдат и офицеров. (Курсант Климов в это время овладевал боевым мастерством в танковом училище.) Еще елозили внутри огромного кольца недобитые гитлеровские части, еще швыряли им транспортные «юнкерсы» контейнеры с хлебом, снарядами и совсем уж ненужными Железными крестами; еще бессонные, перемороженные, неистовые танкисты генерала Рыбалко дрались и умирали на студеном

просторах воронежских степей, а исход сражения был решен. За эту победу сотни танкистов получили свои первые и оттого самые памятные боевые награды.

После разгрома врага на Верхнем Дону части продолжали наступление без оперативной паузы — ждала вызволения истстрадавшаяся в двухлетней неволе Украина. Упрямо шли на запад танковые бригады и стрелковые дивизии, некомплектные, обескровленные, преодолевая сопротивление врага и собственную усталость. Танкисты и пехотинцы были на пределе физических и духовных сил. Но все же наступление шло, и спесивая, лживая фашистская пропаганда устами Геббельса на этот раз вынужденно признала: «Мы переживаем на Востоке военное поражение. Натиск противника в эту зиму предпринят с ожесточением, превосходящим все человеческие и исторические представления». Лихорадочно готовил враг контрнаступление, подтягивая в район Полтавы — Харькова панцирные и пехотные соединения, среди них эсэсовские, отборные, отлично оснащенные танковые дивизии — «Великая Германия», «Личная охрана Адольфа Гитлера», «Империя», «Мертвая голова». Создавая подавляющее превосходство сил (в танках более чем в одиннадцать раз), враги откровенно заявили, что цель контрнаступления — взять реванш за проигранную битву на Волге, «устроить русским немецкий Сталинград».

Острые танкового тарана было нацелено на армию Рыбалко. Но пробить ее боевые порядки гитлеровские панцирники не сумели. Танкисты вышли из окружения, переправились на восточный берег Северского Донца и, стоя здесь в жесткой обороне, сумели отбить все яростные атаки эсэсовцев, не отошли уже ни на метр.

Боевые успехи армии Верховное Главнокомандование оценило очень высоко, преобразовав Третью танковую в гвардейскую.

За участие в прорывах вражеских оборонительных рубежей на знаменитой Курской дуге и освобождение

Орла Третья гвардейская танковая армия получила первую благодарность от Верховного Главнокомандующего. В честь этой победы впервые салютовала Москва.

В сентябре армия освобождала Левобережную Украину. (Курсант Климов в это время сдавал в училище экзамены). На исходе двадцать первого числа передовые части стали на берегу Днепра, а на следующем рассвете у бухринской излуины началось форсирование. Сначала на лодке местный партизан перевез четверых солдат — комсомольцев; через несколько часов на помощь им, ведущим неравный бой, послали роту и отряд партизан; через полсуток на плацдарме оказался мотострелковый батальон, через сутки-другие — танковая бригада, а неделю спустя — вся армия и с ней основные силы двух общевойсковых армий.

Наступление, завершившееся освобождением украинской столицы и положившее начало вызволению Правобережья, развернулось, однако, с другого плацдарма, севернее Киева. Сама по себе врагом не разгаданная двухсоткилометровая рокировка армии с бухринского на лютежский плацдарм явилась великолепной тактической операцией. Руководили ею заместитель командующего Первым Украинским фронтом Н. Ф. Ватутин генерал А. А. Гречко и командарм П. С. Рыбалко. (Младший лейтенант Климов в эти дни находился на формировании в запасном полку близ Горького.)

На рассвете 3 ноября началась артиллерийская и авиационная, невиданная по мощности подготовка, а во второй половине следующего дня генерал Ватутин приказал: «Третьей танковой — вперед, в наступление!» Армия Рыбалко завершила взлом обороны и, обогнав наступающую пехоту, ринулась в обход Киева. Резервные части немцев, торопящиеся заткнуть горловину прорыва, спешались и уничтожались с ходу. Морозящий дождь размыл дороги, скрыл цели. Быстро темнело, и Рыбалко приказал комбригам атаковать с зажженными фарами, вклю-

чить специально взятые сирены и, главное, беспрерывно вести огонь из пушек и пулеметов.

И вот по всем дорогам на запад ринулся огненный смерч. Эта ночная атака сотен грохочущих, воющих, стреляющих, ослепляющих светом танков и самоходных орудий была почти персальным, фантастическим зрелищем. Немцы не выдержали — дрогнули, попятились, потом покатались назад. А танковая армия вновь блестяще совершала то самое свое главное, во имя чего была она вызвана к жизни: мощно и стремительно рвалась сквозь тьму и непогоду, сокрушая оборону и сопротивление врага, дезорганизуя тылы, кромсая коммуникации, наводя ужас в штабах, сметая с пути марширующие к передовой подкрепления. И вот уже пет у противника стабильного фронта, не ведают педантичные немецкие генералы, где их части: целы, разгромлены или пленены.

Освобожден Киев, танкисты овладели Фастовом, Васильковом, Житомиром, Брусилвом. Вслед рыбалковцам в их честь гремят в столице страны артиллерийские салюты, отличившимся частям армии присваиваются наименования Киевских, Васильковских, Фастовских.

Как и под Харьковом, в полной тайне готовил враг контрнаступление. Как и девять месяцев назад, оно имело далеко идущие планы. Однако теперь, уже не в начале, а в конце 1943 года, в условиях почти непрерывных наступлений советских фронтов, отбросивших армии вермахта едва ли не на тысячу километров к западу, немцам для осуществления очередной авантюры с контрнаступлением необходимо было для войск возбуждающее, наркотическое средство самого сильного свойства. И это средство было найдено. Им стало умело разыгранное представление с приездом на фронт верховного главнокомандующего фашистской армией Адольфа Гитлера.

Хмурым ноябрьским днем (эшелон, в котором ехал на фронт младший лейтенант Климов, в это время двигал-

ся к месту назначения) на станции Попельня, что западнее Фастова, на привокзальной площади состоялся фарс панутствия идущих в бой гитлеровских тапкистов.

Станцию, площадь, прилегающие к ней улицы оцепили солдаты и фельджапдармы. Под звуки оркестров подкатил поезд. Раздались команды. Замерли у своих машин танковые экипажи. Человек в пальто с поднятым воротником, с челкой, свисающей на лоб, известный по обличью всему миру, спустился по ступенькам салон-вагона. Подняв в вялом нацистском приветствии руку, вихляющей походкой прошел вдоль строя. Троекратно прокричали войска уставное «Зиг хайль!» («Да здравствует победа!»). Опустившись на одно колено, немцы клялись выполнить приказ обожаемого фюрера — сбросить Красную Армию в Днепр. Никто из них и подумать, наверное, не мог, что их дурачат, что они присягают не Гитлеру, а одному из его двойников. Обманутые, эти фронтовики все же представляли собой большую силу, ибо принадлежали к лучшим боевым частям фашистской Германии.

И остановить их, разгромить, повернуть вспять могли лишь войска, по всем статьям превосходящие противника. На пути папцирных дивизий гитлеровского рейха встали советские танкисты, артиллеристы, пехотинцы, мотострелки, и в их числе — на направлении главного удара врага — воины Третьей гвардейской танковой армии.

САМЫЙ ПЕРВЫЙ БОЙ

Рассказ младшего лейтенанта Климова

Я сидел на левом крыле своей боевой машины, у люка водителя. Как пришел в Пятьдесят вторую бригаду, сразу же решил: я командир, значит, я сажусь на крыло, над первым катком. Почему? Да потому, что экипаж должен

знать: командир, когда надо, рискует первым, он впереди. А что ребята подумают, если я засяду в башню?.. Может быть, я излишне резко заявил о своем праве на риск, но ведь люди-то меня еще в боевой обстановке не знали. А я хотел, чтобы они поверили в меня еще до того, как бой начнется.

Танки на марше. Уже не огоньки ветлужских деревень, а мертвый свет ракеты освещает боевые машины в снежных полях

Очень скоро я, как говорят, на собственной шкуре познал и отрицательные стороны своего решения. До рези в глазах вглядываешься в темноту. Ветер пронизывает до костей. Броня сквозь шинель холодит спину, ноги коленеют. И забывши бог задремать — тут же свалишься под гусеницу. Короче, к концу марша, когда у меня примерзла к броне шинель, я ловил себя на том, что мечтаю об одном — отогреться на жалюзях танка... Правда, марш мы провели неплохо — с дороги ни разу не сбились, дистанцию выдерживали. А ведь в темноте адской двигались:

едва видел я стоп-огни впереди идущей тридцатьчет-
верки.

Наконец голоса донесли к нам команду:

— Командиры машин — в голову колонны!

Спрыгнув с крыла, я быстро добрался до танка комбата. Капитан стоял, как монумент, широко расставив ноги, возвышаясь на полголовы даже над самыми высокими. Я стал рядом и оказался чуть ниже его, но павер-
няка таких, как я, жердястых, в этом богатыре уложн-
лось бы трое.

— Все собрались? — спрашивает комбат. Голос у него властный, сильный, как и он сам.

— Все, все, — отзываются голоса.

— Слушай боевой приказ! Противник обороняется...

Ах, как это здорово! «Противник обороняется». Мы застали уже такие начальные слова приказа. А давно ли было (и как долго было!), когда приказы звучали по-дру-
гому: «Противник наступает...» В голосе нашего богаты-
ря-комбата нет торжественности, стали будничными сло-
ва боевого приказа о том, что немцы обороняются, а мы наступаем. Но я знаю, что наш капитан, прирожденный танкист, начал войну на границе и несчетное число раз получал и отдавал приказы на оборону... Как нас учили, приказ состоит из пунктов: первый — это сведения о про-
тивнике, второй — полученная задача, третий — соседи и их задачи. Ну и так далее.

Противник, значит, обороняется на рубеже населен-
ных пунктов Кодня — Старый Солотвин — Гальчин. Зада-
ча: ворваться в Солотвин. Разгромить в нем немцев. На-
чало атаки в двадцать один ноль-ноль. Сигнал — красная ракета.

И все... И весь приказ... Коротко и ясно.

Я скашиваю глаза на одного, другого командира. Никто ничему не удивляется. Наши «повенькие» тоже молчат. Значит, они умнее меня и все поняли. В общем, мне тоже все понятно. Атакуем. Собьем немца и погоним

дальше на запад. Фронт — это не училище, он твердо отбрасывает все второстепенное, оставляет главное. А главное — это гнать врага со священной советской земли.

— Нет вопросов? — Комбат спрашивает так, точно утверждает. — Тогда по машинам.

Опять бегу по ледяной дороге. Юра и Толик, мои новые товарищи, догоняют меня.

Хмурое декабрьское небо низко нависло над нашей Пятьдесят второй гвардейской танковой бригадой. Из рассказов старших товарищей мы уже немало знаем о ней. Это она в составе Третьей гвардейской танковой армии в конце сентября первой вышла к Днепру и с ходу форсировала его, создав крупный плацдарм на западном берегу. С середины ноября танкисты, освободившие Киев, отбивали ожесточенные атаки фашистов в районе Фастова и Житомира. Немецкое контрнаступление на Киев, конечно, сорвалось. Наш Первый Украинский фронт в двадцатых числах декабря снова пошел в наступление. В это время наш эшелон прибыл на фронт. Пришел и твой черед, младший лейтенант Климов, показать свои боевые способности.

Танки выходят на исходный рубеж для атаки. Тьма кромешная. Люк у водителя открыт, и временами Иван по плечи высовывается, чтобы лучше разглядеть дорогу.

Я и сейчас сижу на привычном уже для себя месте — на левом крыле и подаю водителю нужные команды. Пробирает до костей. Но иначе нельзя. Машина легко может в этой чернильной мгле пойти под откос. Как ни опытен водитель — без света двигаться ему адски тяжело.

Холод к ночи сильнее пробирает, и поэтому я часто сажусь за водительские рычаги, хотя и место механика-водителя нельзя назвать райским — при открытом на марше люке тянет, как в аэродинамической трубе.

Зря я беспокоился в училище, что не будет практики вождения — теперь ее вдоволь, ведя машину хоть весь марш, хоть всю ночь напролет.

За эту трудную дорогу я до того на броне насиделся, что к утру шинель пристывала к металлу. Видя такое дело, ребята — заряжающий и радист — стали попеременно садиться «на бронюшку» — как ласково говорят у нас в экипаже. И водитель получил возможность поспать хоть недолго во время марша. Я занял его место, и, честное слово, неплохо получилось, даже не ожидал.

Очень сплачивает людей фронтовая жизнь. Я считаю, что в экипаже не должно быть у старшего по званию бесконечного повторения слова «приказываю». Ведь идут воевать: и гореть, и побеждать, и помирать, если придется, — все вместе, в одной стальной коробке. И, конечно, за моими словами всегда должны стоять командирский авторитет, умение в любых трудных условиях пайти верное решение боевой задачи. Вот тогда-то будет экипажу ясно: каждое мое слово — закоп. Хотя это слово и не сопровождается каждый раз упоминанием слова «приказываю». Необходимо лейтенанту и советоваться с экипажем, и поучиться у людей, невзирая на звания и знания и не кичась погонами со звездочками. Да мало ли что должен делать командир машины, следуя неписаному уставу фронтовой дружбы!

На передовой снова, как когда-то в школе, потянуло меня к стихам. В училище не до поэзии было — там ее вытеснила начисто суровая проза учебных, курсантских будней.

По склонам сопки каменистой,
Гремя бронею, танк идет.
Рука не дрогнет у танкиста,
Стреляет метко пулемет.

Стихи, понимаю, плохие, но «душа просит песню», и я невольно бормочу строки тихо, про себя, чтоб, упаси бог, не услышал мой экипаж.

Дальше не получается. Наверное, потому, что я только умею водить машину по дорогам. Ладно! Вот когда в

бой поведу танк, и хлебом горячего, и живы-здоровы останемся, тогда сочиним. Ждать уже недолго.

Вот и опушка леса — рубеж первой моей уже не учебной, а настоящей атаки. Затихают моторы. И немец тоже молчит — будто не слышит нас.

Закрыв люки, ребята раскуривают сигарку. Вкусно тянет махорочным дымком из тапка. Папиросища — толщиной в палец — «круговая», экипажная, одна на четверых. Так удобнее и экономнее, ее всегда успевают докурить всем экипажем, даже если кто-нибудь и оказывается занят боевым делом. Товарищ всегда «подможет».

Морозит. Заледеневшие черные деревья, царапая о броню ветвями, скрипят тревожно и томительно. Точно ножом по стеклу кто-то водит.

Солотвин притих в темноте. Чуть светится в одном только месте — то ли окно, то ли еще что-то.

Мне вдруг кажется, что я трушу. Кажется, ткни меня сейчас хоть легонько пальцем — вздрогну и крикну не своим голосом от накаленного ожидания.

Приоткрывается люк механика-водителя.

— Лейтенант, Михаил, нырни к нам, покури, — зовет Иван.

— Не хочу.

Жаль, что не успел отправить письмо домой. Пока мама и Маша не получают его, ответа от них не жди, ведь номер моей полевой почты им пока не известен. А может и так получиться, что письмо мое придет на Рабочую, когда и ответ писать некому будет. Сколько таких случаев было — рассказывали ребята и в училище, и в бригаде: человек давно погиб, а почта все трудится — несет матери его запоздалые письма. И верит опа, уже после получения «похоронки», что опять ошибка вышла — придет весточка от сына...

В густой, плотной тишине далеко слышно, как ответно скрипят на околице Солотвина деревья, точно за душу тянут. Мой тополь, у дома на Рабочей улице, никогда вот

так — пожом по стеклу — не царапал ветвями, как это черное заледенелое дерево, выросшее на самом рубеже моей первой атаки. Но ведь я уже не маленький мальчик, который большими глазами глядит на загадочный, манящий мир. Я уже комсомолец, офицер, танкист, командир боевой машины, и я напряженно и нетерпеливо жду красной ракеты пад уже не сказочным, но по-прежнему притягательным, до жути, по-молодому интересным миром.

Мой дом, и тополь, и улица моя с гордым хорошим названием, и застава, посящая святое для всех нас имя, сейчас как въяви передо мной, — все это папоминает о том, что мое прошлое и мое будущее кренко связаны с сегодняшним боем, в котором я должен отстоять их.

И я не хочу, чтоб это делал за меня кто-то другой. Победа без меня все равно придет, но что я буду значить без своего участия в ней?

— Лейтепант, глотнешь для теплоты? — опять высывается заботливый Иван.

Нет, сейчас пить я не стапу. Даже положенные «наркомовские» сто граммов. Не хочу примешивать к своему первому боевому испытанию «бодрящих средств». Я хочу знать, на что способен в бою.

Что-то долго нет сигнала. Тихо в Солотвине. За буграми взлетают неслышные ракеты, обрисовывая силуэты домов и деревьев. То ли немец главными силами драцанул, то ли главные силы готовят нам сюрприз...

Заставляю себя не думать об этом.

Где сейчас мой командир отделения по училищу и друг Николай Борисов? Ему было больше лет, чем мне, и образование выше, чем у меня. Еще в институте он стал коммунистом, но никогда не подчеркивал своего превосходства ни в чем. В училище мы спали рядом, были неразлучны, и я наивно надеялся, что и воевать будем вместе. Николаева любимая присказка — «В конце концов, что бы мы ни делали, на себя работаем». Дел у нас, курсантов, хватало — помимо учебных. То ремонт казарм,

то постройка овощехранилища, то заготовка дров. Борисов по натуре был тружеником, пенавидел лепивых — «сачков». Если предвиделись какие-нибудь трудности, он сам первый шел им навстречу. И я за ним шел. Он умел увлекать (интересно, выработалось ли во мне это качество?). Выбирали тогда мы с ним работу, за которую самим не хотелось браться, потяжелее и попротивнее, чем у других. Учились преодолевать себя. Ребята сначала удивлялись, посмеивались, а потом наиболее крепкие (не телом, а духом) присоединялись к нам. Так было интереснее. На трудных делах и сам человек себя больше уважает.

Комбат Нещерет накануне нашего выпуска пригласил меня и Николая к себе в числе других повоевавших офицеров. Побалакать, как он сказал, в частном кругу. Мы дожимали его расспросами о войне и танковых боях. А больше всего расспрашивали об Испании, где он дрался, будучи совсем молодым, и получил тяжелую рану. О себе капитан рассказывать не любил, больше о товарищах и их боях говорил. Однако чувствовалось, что он сам побывал в таких же оборотах. И я тогда сообразил, что Нещерет рассказывает о себе, только почему-то каждый раз выдает свои поступки и действия за совершенные кем-то другим. Ни разу мы не услышали от него «я приказал», «я отбил», «я обеспечил», «я атаковал»... Эта его почти болезненная скромность произвела на меня очень сильное впечатление. Нещерет вольно или невольно учил нас еще и обыкновенной человеческой скромности.

И вдруг я вспоминаю, как назывался тот марш, который на проводах играл нам училищный духовой оркестр: «Прощание славянки». До сих пор, как я ни старался, не мог припомнить странное и притягательное это название. Должно быть, в такие острые минуты, как эта, перед первым боем, память срабатывает четко, безотказно.

А бой оказался не за горами. После марша к Солотвину ротный старший лейтенант Черненко приказал

командиру нашего взвода лейтенанту Биденко организовать разведку. В разведку послали нас троих — командиров машин — Юрия Козаченко, Анатолия Киселева и меня — старшим. Танки шли на большой скорости. Немцы наугад, на шум двигателей, открыли огонь, и спарядом задело у Толиной машины ленивец. Тридцатьчетверка, потеряв управление, съехала в карьер. Хорошо, что машина новая: с трудом, но выбралась по льду и воде на дорогу.

Пока немцы стреляли, я засекал их огневые точки: успел насчитать не менее трех мест, откуда било пламя при выстрелах. Кажется, это были «фердипапды» — огромные снопы огня вырывались из стволов. Высунется самоходка из-за хаты, выстрелит и опять прячется. Ясно: это у немцев такая тактика. А у нас? Мы оказались не в лучшем положении — бортами к противнику, но нас спасла высокая скорость. А то было бы худо. Надо это на будущее учесть.

Как только Толин танк выбрался на дорогу, я по рации приказал всем отходить к лесу. Мы уходили в разведку несмышлениками, а вернулись на исходные уже обстрелянными танкистами. И от этого всем было радостно.

— Ну как, хлопцы, хлебнули горячего? — спросил участливо, заинтересованно кто-то из старых танкистов.

— Подумаешь, «фердинанды». Ничего, расколотим! — беспечно ответил я, но старший лейтенант Черненко, серьезный человек, видно недовольный моей напускной лихостью, одернул меня:

— Не «подумаешь» и не «расколотим». «Фердинанд» — мощная машина, надо с ним по-серьезному драться. На «вы» к нему обращаться, не то сожжет, как свечку, и «мама» не даст сказать...

Это была правда — простая, суровая, и мы примолкли.

А уже после «накачки» ротный объявил благодарность всем экипажам, участвовавшим в разведке. Строгий, тре-

бывательный, но справедливый человек наш Черненко. Это отлично, что первыми нашими шагами руководит такой офицер.

У Старого Солотвина по-прежнему взвиваются ракеты. На какое-то мгновение они замирают, а потом мед-

Отбить у врага еще один населенный пункт! Пехота и танки
в атаке

ленно начинают опускаться. С каждой новой вспышкой повсюду появляются тени. Сначала неясные, рыхлые, очень длинные, потом, когда ракета достигает зенита, тени становятся резкими и короткими и вдруг пропадают — до взлета следующей ракеты.

Я чувствую, что в этот почти нереальный мир вот-вот ворвется багровая ракета — сигнал к атаке, и прыгаю в башню:

— К бою!

— Чего ты, лейтенант, сигнала-то не было?.. — спрашивает водитель.

Но в этот момент и в самом деле красным мертвенным светом опадает треснувшая в вышине сигнальная ракета.

— Заводи!

Страх нет, напряжение томительного ожидания враз спало. Мне легко, освобожденно сейчас. Мысль работает четко, ясно.

— Вперед!

С ревом, ныряя на ухабах, вырывается наша тридцать-четверка. Не отрываясь, задержав дыхание, вглядываюсь в мерцающее вспышками выстрелов и разрывов поле боя.

Танки не успевают пройти и сотни метров, как оживает вражеская оборона. У немцев сил гораздо больше, чем предполагалось до разведки. И все же их нужно выбить отсюда, вышвырнуть из Солотвина, погнать дальше. А потому немногочисленные машины Пятьдесят второй бригады рвутся вперед, стреляя с ходу и с коротких остановок.

Я стреляю, целясь в плечушние навстречу танку снопы огня. Это «фердинанды» — вот обрисовывается на миг характерный квадратный силуэт башни. Выстрел, выстрел туда. Промазал! Очень тороплюсь, нервничаю. На окраине села что-то горит — стог ли сена, хата?.. Самоходки уже нет на старом месте, куда она отползла? Удар. Наш танк тряхнуло, мелкие осколки брони ожгли мне лицо. Заряжающий упал вниз и лежит неподвижно. Башню заклинило, пушка вышла из строя, мы закрутились на месте. Сбита гусеница. Подстерег тот проклятый «фердинанд». Сейчас он добьет нашу неподвижную замолкшую машину. Иван со своего водительского места обернулся: «Что будем делать, лейтенант?» Надо припримать решение. Ждать нового снаряда в беспомощном танке глупо.

— Из машины! — кричу я.

Втроем выскакиваем под град осколков, под пули немецкой пехоты. С падрывным скрипом выплевывает

огненные шары шестиствольный миномет. Несколько танков горят, один совсем неподалеку. «Перебегайте к лесу, я за вами», — кричу я. Задыхаясь, влетаем в подлесок. В чаще словно ураган прошел, кругом бурелом. Гляжу из-за деревьев на горящие у околицы наши танки. Все реже бухают орудия, вспыхивает и стихает трескотня чужих автоматов. Гула танковых моторов не слышно. Атака прекращена. Трудно драться без артподготовки, без пехоты. Провоевали мы считанные минуты, а машина у нас уже вышла из строя. Ожидание боя казалось бесконечным, а сам бой — как миг пролетел.

На рассвете с подоспевшей пехотой входим в село. Немец ночью убрался оттуда. Вытаскиваем из машины негнущееся тело Васильева. У младшего сержанта на тонком, чуть скуластом лице не тают снежинки, в неподвижных открытых глазах удивление — неужто можно погибать в двадцать лет? Первый убитый товарищ. Спотыкаясь, иду к другой мертвой машине. Это танк командира роты. След его гусениц пересекает размятое зенитное орудие, в сотне метров впереди, у огородов, — другая немецкая пушка, возле нее разбросанные взрывом трупы. Сам ротный и его экипаж лежат возле своей тридцатьчетверки, пришитые к земле фашистскими очередями.

Славная солдатская гибель.

Сгоревший танк нашего взводного мы узнаем по номеру на башне. Никто из машины не выбрался. А ведь лейтенант шел позади взвода. Но немцы, видно, знают этот тактический маневр, когда командир подразделения находится позади. Тут Биденко и подстрелили.

В селе уже полно людей — старых, молодых, заплаканных и радостных. А село Старый Солотвин осталось целым, не успели фашисты его сжечь, не сумели угнать или перебить жителей. Мы помешали. И оттого радостно мне, и весь мир светлым кажется. Значит, жертвы были не напрасны, новую жизнь начнет с этого дня еще один возвращенный Родине населенный пункт.

Заходим погреться в ближайшую хату. Старуха и двое детей, мальчик и девочка, только что вылезли из подпола. Сидят, смотрят на нас, а мы — на них. Старуха спокойная и тихая — всякое на своем веку, верно, повидала. Негромко, по-украински, а каждое слово понятно, рассказывает: оба сына в армии, живы ли, нет — не знает, известку одну угнали в Германию (вот дочурка ее), другая в партизанах воюет (мать этого хлопчика). Достаем из своих вещевых мешков хлеб, консервы, сахарный песок. Дети с еды глаз не спускают. В училище я очень любил макать хлеб в сахар и теперь показываю ребятишкам, как это делается. Сами наскоро поели, попили кипятку (сахар весь детям решили оставить) и попрощались. Хотела старуха нас чем-то своим угостить — отказались: сказали, что торопимся. Им нужнее.

Оживает понемногу Старый Солотвин. На улицах гражданские, военные. Очередь у колодца — поят обозники лошадей, направляют машины шоферы. И даже женский смех уже раздается.

Жизнь больше не уйдет из этого украинского села. Вот ради всего этого останутся здесь навечно, под холмиком с пирамидкой и красной звездой наверху, якутский парнишка Васильев, экипаж бесстрашной тридцатьчетверки и другие ребята из Пятьдесят второй гвардейской бригады. Над холмиком маленького кладбища недружно гремит прощальный залп. Надеваем шлемы — нам троим надо догонять своих.

ПОЧНАЯ АТАКА НА УЛАНОВ

Рассказ младшего лейтенанта Климова

Как иной раз просто и удачно решается на фронте сложная задача. В нашей Пятьдесят второй бригаде осталось всего несколько годных к бою машин и значительно

большее количество экипажей без танков. Тогда сделали следующее: тридцатьчетверки с экипажами и оставшуюся технику передали в соседнюю бригаду — воюйте там, а Пятьдесят вторая ушла на формирование.

Танковый десант в бою — одно отделение на тридцатьчетверку

Через какое-то время Пятьдесят вторая — добрая сотня боевых машин, мотострелковый батальон, разные поддерживающие и обеспечивающие подразделения, — полнокровная, укомплектованная по штату, готовая к бою, вернется на фронт и ее командир доложит:

— Готовы к выполнению любого задания командования!

А меня там не будет. В числе нескольких экипажей, с танками и без них, я оказался в Пятьдесят третьей бригаде, в танковом батальоне капитана Коробова. Поскольку я пока оставался «безлошадным», то был обязан

двигаться за бригадой «пешим по-танковому». Есть такое хитрое, мало приятное для фронтового танкиста выражение: жди, пока тебе не достанется боевая машина. Мало найдется желающих находиться при штабе в положении «кто куда пошлет». Очень противное это состояние. Настоящий командир-танкист предназначен для боя, его готовят воевать, побеждать врага, а не числиться в резерве, хоть и вынужденном.

Таким образом, в новый сорок четвертый год я въехал па чужой броне. И таких «безлошадных» командиров танков, как я, в бригаде немало, ведь количество боевых машин с каждым новым боем уменьшается.

Враг, отступая после разгрома под Брусилловом и Житомиром, огрызается на каждом мало-мальски пригодном для обороны рубеже, сам теряет в наступившей предвесенней распутице много техники, но и нам приходится лихो.

Выходят из строя даже такие выносливые машины, как тридцатьчетверки. Они застревают на разбитых войной, залитых жидкой грязью дорогах, проселках и забывших пахаря полях. И все же есть у всех нас главная радость: с огромным трудом, не так быстро, как хотелось бы, но мы пядь за пядью освобождаем родную землю, Украину, от врага. Хотя, казалось бы, в такую хлябь пельзя передвигаться, воевать, тем более наступать. Ведь даже снаряды порой приходится доставлять самолетами.

Чем меньше в бригаде (и в нашем первом батальоне) остается танков, тем длиннее и вдумчивее приказы капитана Коробова. Местечко Уланов мы уже атакуем не к ночи, как Старый Солотвин, а под утро, когда, по расчетам, немец спит особенно крепко. По данным разведки, население угнано. Побольше шума и грома, наставляет Коробов, пусть враг думает, что пас много. Но самое интересное — надо атаковать с включенными фарами и на высших скоростях. Идея такова. Немцы воюют по шаблону. Как правило, они не отходят без приказа. Но стоит

их ошеломить, огорошить, ввести в привычную картину боя нечто новое, неожиданное — и враг растеряется, дрогнет, начнет отступать.

Я сравниваю Коробова с комбатом, который руководил боем под Солотвином. Внешне они немного схожи — большие, геркулесового сложения. Но у нового комбата нет хмурости и резкости — он ближе к нам, командирам машин. Обращается к каждому лично и каждого знает не только по фамилии, но и по имени. Может быть, потому, что немного танков у него в батальоне — от штатных тридцати двух машин меньше трети осталось. Это, по сути, рота. Но неумолимый закон войны, зафиксированный в чеканных строках Боевого устава, говорит о том, что, пока в танковом батальоне есть хоть несколько тридцатьчетверок, он именуется по-прежнему батальоном.

Нашему батальону поставили очередную боевую задачу. Командир одного танка равен, и меня срочно, перед самым боем, комбат посылает занять его место. Едва успел я влезть в башню, как механик-водитель танка хватается за рычаги. Согласно приказу комбата тридцатьчетверки покидают дорогу, расползаются веером по полю. Грицько Скоробогатько, бывший тракторист, ветеран части, уверенно ведет машину в непроглядной тьме.

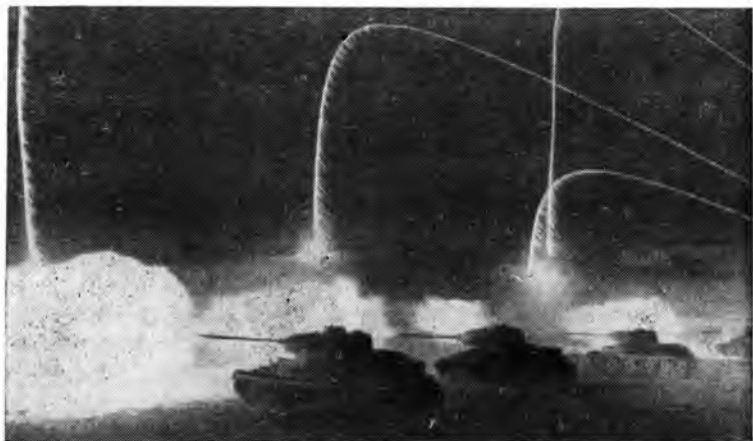
— Стоп, мы на исходных! — говорю я по ТПУ¹.

— Есть! — откликается Грицько.

Стою в открытом люке, ожидая сигнала к атаке; вкусно, привычно тянет из машины табачным дымком, человеческим духом, порохом. «Лейтенант, на курни». Это Грицько подает мне сигарку. Нагибаюсь, делаю пару крепких затяжек, а когда распрямляюсь, над изготовившимся к броске батальоном с треском лопается красная ракета атаки. Тотчас вспыхивают фары, небо и земля вздрагивают от рева дизелей и дружного залпа танковых пушек всей бригады.

¹ Танковое переговорное устройство.

Ловлю в прыгающий прицел вспышки вражеских орудий и шлю снаряд за снарядом. Перед выстрелом толкаю водителя ногой в плечо — и он легонько притормаживает. Облитые белым светом, быстро растут, надвигаясь, тополя, колодезные журавли, телеграфные столбы, хаты.

Феерия ночного боя: атакуют танки — огонь с ходу

Немецкая противотанковая артиллерия бессильна остановить грозную броневую лавину. Враг ослеплен, огорошен, смят. Наша тридцатьчетверка, промахнув огорода, вырывается на улицу, летит вдогонку за грузовиками с прицепленными к ним пушками. Не стреляю — можно понасть в дом, в танк товарища. Мечутся под лезвиями фар фашистские солдаты, бегут, падают под гусеницы. Хозяйственный Грицько впритирку, борт к борту, подбирается к огромному грузовику и («зачем добру пропадать?!») легонько поворачивает танк. «Бюссинг» с хряском заваливается в кювет. Безостановочно бьет пулемет

стрелка-радиста. Танк отбрасывает фашистскую пушку, расстреливает бегущий расчет.

— Третья рота, — гудит шлемофон коробовским приказом, — принять влево. Сбор у околицы, за школой.

Сколько длился этот скоротечный ночной бой — час, два? Время сместилось, но знаю одно: совсем не похож он на бой за Солотвин. Гляжу на большие часы на щитке водителя. Оказывается, с начала атаки прошло всего двадцать минут. Один за другим, разбрызгивая снег и грязь, подходят к школе танки. Громадный Коробов легко спрыгивает с борта. У нас два подбитых танка, потери немцев считать было некогда.

— Ну, покурите, передохните, и дальше пойдем! — говорит комбат. Вдруг на его большом лице меняется выражение. Оглядываю ходовую часть ближнего танка и чувствую, что бледнею.

— Почистим хоть легонько машины, — осевшим голосом произносит комбат.

Покурили и (да не узнают этого наши дети!) лопатами принялись соскребывать с колес лохмотья чужих мундиров и шинелей...

Прошли еще несколько километров — уже рассветать начало — и остановились. Подтянулись тылы — машины с горючим и продуктами. Заправили мы баки газойлем, закурили снова — и тут нас догнал бронетранспортер с офицером связи. Из штаба армии. Приказ гласил, что нас, «старичков», снова передавали, на этот раз в Сорок седьмой тяжелый танковый полк прорыва.

СТАРАЯ ГРАНИЦА. КАНДАЛЫ

Рассказ старшего сержанта Шершнева

В тяжелых, почти непрерывных боях шла весна. Наступал, приближаясь к старой государственной границе, и наш Первый Украинский фронт.

Ясным весенним днем кто-то из командования полка указал рукой на рубеж, который рассекала дорога, идущая на запад:

— Граница... Наша старая граница...

Роща на границе, где Т-26 в 1941-м дали врагу первый и последний свой бой. А летом 1944 года могучие тридцатьчетверки неудержимо идут на запад

Вот он, давний рубеж Родины. Нет на нем сейчас пограничных знаков, только замытые дождями полуразвалившиеся траншеи, блиндажи, укрепления. Доты в кроваво-ржавых подтеках — успели ли они принять своих защитников? В стороне от дороги военный городок, тихий, заброшенный. Мертвые танки — среди них ни одной тридцатьчетверки — поникшие, обгорелые, немые свидетели трагедии сорок первого года. Здесь они приняли свой последний, а возможно и единственный, бой. Но у всех машин орудия обращены на запад, в сторону врага...

Впереди стояли, сняв шлемы, старшие боевые товарищи. Первое поколение танкистов этой войны. Они на себе познали беду сорок первого года. Я видел их печальные лица. Три года ушло на то, чтобы Красная Армия смогла вернуться к рубежам страны.

Мне бросилось в глаза бледное, какое-то омытое, чистое лицо нового нашего командира машины младшего лейтенанта Михаила Климова. Ветер трепал его темно-русые волосы, шлем подрагивал в руке. Мне показалось, что он что-то шепчет. Был бы я художником или скульптором, сделал бы портрет с этого синеглазого симпатичного парня. Бывает, что в лице человека отражен весь его характер — мягкий и непреклонный, добрый и беспощадный. Очень русское лицо и очень русский характер у нового лейтенанта. Я порадовался, что нашел в нем нового верного товарища. Хотя место и время для радости было выбрано не очень удачное.

У нас с лейтенантом схожие судьбы: оба из Москвы, из рабочих семей, оба стали танкистами; только я на пару лет раньше, потому что чуть старше Михаила. Видимся нечасто — в основном по служебным делам, но, кажется, обоим теплее, когда вспоминаем, что у тебя есть неподалеку верный друг, готовый прийти на помощь в трудную минуту.

Не сговариваясь, все подняли пистолеты и автоматы и дали несколько залпов вверх — в память погибших в неравном сражении, в честь неизвестных наших побратимов, танкистов беспощадного и героического первого военного лета.

А над всей картиной былой трагедии выгнулось ослепительно-синее солнечное небо. Весеннее небо 1944 года. И по дороге шла несметная сила Советской страны. Ничто уже не могло остановить ее тяжелого, неотвратимо победного шага.

— По машинам! Вперед!

Изредка налетают немецкие самолеты, и тут же на

них наваливаются наши вездесущие стремительные «ястребки». Коротко рокошет воздушный бой, и сыплются с неба обломки чужой техники — крылья и фюзеляжи с ненавистными черно-белыми крестами, а то и сам летчик спускается поганым грибом и тут же воздевает кверху подрагивающие руки. На него и не глядим — привыкли уже к таким сценам.

Я еду на броне Михайлова танка. Миша стоит в башне. Мы внимательно, с любопытством глядим вперед, по дороге.

Позади маленький украинский городок Славута. Машут руками радостные жители. На дороге брошенная немецкая техника. Яркий теплый солнечный день. Что-то новое замечаем мы в обновленной природе. И вдруг... два ряда ржавой колючей проволоки образуют коридор, упирающийся в сторожевые вышки. Серые приземистые бараки, разбитые дорожки иссечены черными следами. А за проволокой — люди.

Михаил глядит не мигая. На тонкой длинной шее нервно бьется жилочка.

— Стой, сто-о-ой! — кричит вдруг лейтенант. Он вылезает из башни, стремглав слетает с брони, бежит к лагерю. Я спрыгиваю с танка, лечу вслед за ним.

Не все сразу понимают причину волнения лейтенанта.

— Сто-ой! — Это уже несется по всей колонне.

Один за другим стихают моторы тридцатьчетверок.

— Наши-и-и! — несется в тишине навстречу нам слабый, хватающий за сердце крик. — Наши, родные, русские! Братцы...

Весь полк остановился, и парни в танкистских шлемах, широко распахнув ворота, толпой бегут к пленным. На их лицах, обтянутых серой кожей, не улыбки, а гримасы. Люди едва могут поднять руки для приветствия. Многие плачут. На всех истлевшая одежда, рванью обернуты ноги.

Откуда-то появился Михаил — на нем лица нет.

— Вот, у пленных взял. Федя, знаешь, что это? — Он поднимает в руке что-то металлическое.

— Кандалы, — говорю я ошеломленно. — Видел когда-то в Музее революции.

Михаил внимательно разглядывает жуткую находку и передает танкистам.

— Из крепчайшей стали сработано, — произносит он, не чувствуя, что почти кричит. — Глядите, ребята, как сделан замок — чуть рукой или ногой шевельнешь, будет сжимать все сильнее. Как металлист свидетельствую. Они сами как орудие пытки.

Кто-то из пленных что-то рассказывает и вдруг в голос рыдает. В страшном мужском сухом плаче подергивается пергаментное лицо.

— Ребята, ребята, — чуть успокоившись, говорит этот человек, — я тоже танкист. Под Перемышлем сгорел в первое воскресенье. На «бетеушке». Что можно было на легком танке сделать? Дрались, пока могли. А потом — концлагерь. Побегов не счесть. Немцы очень злые на наших танкистов. Как узнают, что вы новый прорыв сделали, опять разгромили их, — приходят, ругаются, бьют. — «Ферфлюхте руссине панцер»... И чаще всего поминают одного генерала — «Рибалько», «Рибалько» — и ругаются. А мы хоть и избитые, и голодные, а все радость скрыть не можем: «Вот, гады, вот, гитлерюги проклятые, как наши танки дают вам прикурить...»

— Я эти кандалы до конца войны в танке возить буду, — звенящим голосом говорит Михаил. — В Германию придем, покажем немцам: вот какой «новый порядок» пес ваш фашизм. А потом — сдадим в Музей революции, чтобы знали наши дети и внуки, от чего мы спасли людей всего мира.

— За все с ними расплатимся, — говорю я.

— Точно, только бы дойти до их проклятого логова, — соглашается Михаил.

— Ой не торопитесь, хлопцы, с выводами, больно вы

горячи. Не всех же немцев подряд виноватыми объявлять...

Это говорит кто-то из старых боевых танкистов. Мы умолкаем. Конечно, он прав. Нельзя всех немцев стричь под одну гребенку.

Видно, не забыл славутский лагерь младший лейтенант Климов. Рвался в бой. Но подбили его танк, и он с нетерпением ожидал, когда получит новую машину и пойдет на ней на врага.

— Нет больше сил ждать, Федя, — сказал он мне однажды. — Давить эту пададь буду, кромсать. За славутский лагерь и за все...

И вскоре суровым посланцем войны предстал перед Михаилом адъютант командира части:

— Беги принимай танк. Ширинкина сейчас осколком бомбы убило...

Война есть война. Час назад мы втроем глядели на багровый закат, и Игорь сказал: «Смотрите, ребята, словно кровь на солнце проступила. Жаркие бои будут...» А сейчас он уже мертв, и Миша сядет на его место, прильнет к тому же прицелу, подаст команду, которую Игорь не успел произнести.

Однажды я застал Михаила, когда он, сидя в башне, что-то писал. Увидев меня, взглянул немного растерянно и тотчас убрал тетрадку. Он сочинял явно не заявку на боеприпасы и не рапорт о необходимости ремонта машины.

— Песню переписываешь, — пристал я, — или стихи Симонова? А может, «Васю Теркина»? Дай списать.

После моей настойчивой просьбы Михаил с неохотой протянул тетрадь. Здесь были его собственные стихи. Он начал их писать еще до боев, а заканчивал сегодня. Я переписал их в свой альбом, по по просьбе друга не указал автора. Потому что мы оба знали: в полку много желающих обмениваться новыми песнями и стихами. И мой альбом пойдет к другим любителям поэзии. Миша

понимал, что стихи слабые, но ведь поэтом он себя и не считал — просто душа требовала, как и у всех, небудничного, особенного выражения для переполнявших всего человека чувств и мыслей. Одни из нас учили чужие стихи, Миша стремился сложить свои.

По склонам сопки каменистой,
Гремя бронею, танк идет.
Рука не дрогнет у танкиста,
Стреляет метко пулемет.
Но вдруг удар, и танк остановился.
Мотор заглох и не ревет.
А три товарища танкиста
Мечтали двигаться вперед.
Замолкли узкие бойницы,
Замолк упрямый пулемет,
Отряд фашистов не боится,
На танк лавиною идет.
Из танка вырвались снаряды,
И пулемет затарахтел.
И от фашистского отряда
Осталась груда мертвых тел.
И вот из танка вышли трое.
Все трое бледные, в крови,
Они четвертого героя
К могиле братской понесли.

Многие переписывали эти стихи. Без имени автора. Не так уж было важно, кто их сложил, главное — они понравились нам.

Так случилось, что никто не угадал их автора. Даже прозорливый начштаба полка майор Фомин. Даже заместитель по политчасти майор Спрыгин и второй зам — по строевой майор Самохвалов.

Угадал в Михаиле автора стихов, как ни странно, командир нашего полка. У совсем молодого подполковника Веремея на этот счет оказалось особое чутье. Я подозревал, что он либо сам пописывал тайком стихи, либо склонен был к восприятию романтических сторон жизни и отличал тех, кто нес в себе хоть малую частицу «божьего», поэтического дара. Как Миша Климов. Во вся-

ком случае, подполковник Веремей едва прочел стихи, как спросил тут же, нисколько не сомневаясь в правильности своей догадки:

— А других стихов у Климова разве нет? Надо бы еще поглядеть. Эти не очень художественные, но за душу берут.

ОТ КИЕВА ДО ЛЬВОВА

Рассказ младшего лейтенанта Климова

Когда мы мчались в эшелоне на юго-запад — через Левобережную Украину к фронту, я каким-то неясным, как говорят шестым, чувством ощущал очень важное и значительное для себя: я вхожу в состав большой боевой семьи, сражающейся с общим врагом. Эта семья — народ!

Воюя на Украине, я поражался той силе духа, с которой народ преодолевал беду. Освобожденные нами люди представились мне и моим однополчанам частью того народа, который не покорился врагу, не согнулся под военной грозой, с терпеливым достоинством хранил мечту о недалекой уже победе и мирном труде.

На какой-то станции перед Киевом подошла к нашей теплушке женщина лет сорока, в старом ватнике и с бутылкой в руке.

— Хлопцы, гасу нема?

— Что за гас, мамаша? — спросил я.

Оказалось, нужен керосин — свет засветить в хате, где «диты маленькие». Ей налили газойля, и она, счастливая, убежала, но скоро вернулась уже с двумя бутылками. И снова мы нацедили ей «гасу». Тогда она подала нам вторую бутылку — заткнутую тряпицей поллитровку с прозрачной жидкостью. Мы не отказались и тут же распили, по наперстку на брата, огненный самогон, и жен-

щине тоже предложили. Но она отказалась, замахала рукой и, стыдливо прикрыв рот углом платка, впервые засмеялась, отчего усталое и печальное лицо ее зарумянилось, помолодело. Она смеялась сквозь все свои беды и потери! Я подумал, что при немцах, с детьми, горя у этой тетки было сверх всякой меры. А вот теперь, со своими, с освободителями, она смеется и радуется. Мы ей кричали по-русски, она отвечала по-украински, и всем было понятно. Потому что у счастливых людей всегда найдется общий язык. Потом эшелон тронулся, а она помахала нам и побежала домой с драгоценной бутылкой «гасу», со своей нерастраченной верой в помощь добрых людей и в хорошие перемены, которые теперь, с вызволением, ждут ее с детьми.

Долго потом вспоминал я эту женщину, особенно ее проглянувшую сквозь хмурость — точно солнце после ливня — робкую, несмелую улыбку нечаянной радости. Как много в этой улыбке было надежды на возвращение мирной, счастливой жизни!

Через Киев мы проехали к вечеру. Я увидел искалеченный, обожженный войной, расстрелянный и перебомбленный, но все же прекрасный город. Я с восторгом оглядывал неповторимые киевские холмы, величавое Приднепровье, Владимирскую горку с бессмертным, издали точно игрушечным памятником князю — основателю города. Уже потом я почувствовал запах гари и разглядел развалины мертвых кварталов, и даже надписи саперов «Разминировано», «Мин нет».

Эти картины промелькнули в минуты и исчезли. Наступили сумерки, потянулись черные, без огней зимние военные поля, но я все видел перед собой скорбный и гордый облик великого города, и во мне трепетало возвышенное чувство встречи с ним.

Величественная панорама под названием «Освобождение» предстала перед нами на Украине. И мы оказались участниками создания этой грандиозной картины.

Меня потрясла скромная, непоказная отвага, с какой дрались под Старым Солотвином старший лейтенант Черненко и его экипаж — украинские и русские ребята. В этом селе навсегда остался мальчишка-якут Васильев, заряжающий с моей машины. Паш комбат лихой капитан

«Товарищ командир, экипаж к бою готов!»

Коробов, коренной русак, удостоился ордена Богдана Хмельницкого за мужество, проявленное в тяжелых житомирских боях. Грицько Скоробогатько, тракторист из-под Запорожья, мой новый механик-водитель, человек невероятной физической и нравственной силы, каждый раз, точно святую музыку, выслушивает приказ на наступление и упрямо рвется вперед, вперед на освобождение своей родной Украины. Выпускник Первого Горьковского тапкового училища Михаил Мурашкин — «воляжский богатырь» — проявил несокрушимое упорство и бесстрашие

в боях за Проскуров. Его танк командир роты капитан Малеев послал в засаду — перекрыть дорогу. Показался «тигр», позади шло еще несколько машин. А ввязываться в бой с «тиграми» для одной тридцатьчетверки с семидесятишестимиллиметровой пушкой — дело паршивое. Но

«Теперь «тигр» годен только для мартена...» Командующий 3-й гвардейской танковой армией генерал П. С. Рыбалко осматривает разгромленную технику врага. Зима 1943/44 года

в полку, как во всей нашей Третьей танковой армии, па всем Первом Украинском фронте, господствовал мощный наступательный порыв. «Выбросить врага с родной земли!» — под этим лозунгом мы шли в бой. Михаил выстрелил в «тигра». Снаряд не взял броню. Тогда он ударил в гусеницу и сбил ее. «Тигр» крутануло, и, когда он подставил борт, лейтенант двумя снарядами зажег танк. Настроение у немцев было кислое, отступательное. Экипаж

«тигра» удрал, а остальные машины развернулись и ушли, не приняв боя.

Шло победное для нас, грозное для врага лето. Машины нашей гвардейской танковой армии с приметной эмблемой — тройка внутри трех белых колец — грохотали на дорогах севернее Львова, охватывая город. Немцы после корсунь-шевченковского котла панически боялись окружений. Теперь они поспешно отводили войска. Только успевали мы на новых рубежах освоиться, как подавалась команда — опять на марш. Значит, враг снова отходит. Близка уже была наша государственная граница.

Юра Козаченко, дружок мой, погиб в трудном бою у самого края своей земли. Мы были ровесниками, оба двадцать четвертого года рождения. В тот год умер Владимир Ильич, и все наше поколение несло ленинскую эстафету, своим существованием, своими делами подтверждая вечность его идей.

Я вернулся из боя на исходные позиции, когда Юрок еще был жив. Израненный, обгоревший, весь спеленатый бинтами, он лежал у высокого стога на сене. Сырой летний ветер шевелил сено, оно тихо шуршало. Мне подумалось, что кто-то шепчет над Юрой отходную. Меня передернула судорога от жалости к другу. Из его глаз глядело молчаливое безграничное страдание. Увидев меня, Юра оживился, широко раскрыл глаза.

— Ничего, поправишься, — сказал я, наклонясь над ним. — Сейчас «санитарка» придет за тобой. Мы еще повоюем, Юрок, погуляем на наших свадьбах.

— Эх, Миша, родной, — прошептал он в ответ. — Я ведь все понимаю... Какая уж там свадьба... У меня в жизни еще ничего такого не было... И не знаю, как это бывает. С одной только целовался, еще в восьмом классе. А потом война. Вот и все... Отомсти за меня, Миша, друг... И маме моей напиши, что я погиб в бою...

Меня подозвал командир роты капитан Малеев и повел к командиру полка. Надо было ехать в разведку.

Километра через два навстречу летевшей тридцатьчетверке выбежали девушки. И снова боль за Юру ударила меня. Стоя в люке, я внимательно разглядывал девушек. Они были одеты в нарядные белые кофточки, в волосы вилетены цветные ленты. Девчата смеялись, что-то кричали, поднимали над головами глиняные кувшинчики.

— Остановимся, уточним обстановку, — чуть кривя душой, объявил я экипажу.

Пока ребята пили райского, наверное, вкуса молоко, я выспрашивал у красивой смуглянки сведения о противнике. Она, мешая украинские, польские, русские слова, быстро объясняла, что «герман вшистка утек еще утром вон по тому шляху». Влезая в танк, я не выдержал, обернулся.

— Молока хоть попейте.

— В другой раз. Прощай, красавица!

— Счастливенько вам.

— Где живешь, куда за тобой свататься приезжать после войны?

Засмеялась, закрываясь рукавом, но ответила. За шумом ожившего мотора я едва расслышал что-то вроде Дзибулки. На карту поглядеть не успел — машина помчалась к синему вдали лесу.

Так оно и оказалось. Черноглазая говорила правду: немца и след простыл, дорога выбегала из леса и метров через двести снова ныряла в густую чащу угрюмых грабов и буков. Тихо, даже птиц нет, должно быть, они, как и люди, не любят войну. На склоне высоты оказалась отличная позиция...

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

На склоне безымянной высоты, примостившейся к самой границе, на виду Украины и Польши, действительно была отличная позиция. Тридцатьчетверка лейтенанта Климова стояла очень удачно. Отсюда просматривались дороги окрест на много километров. Оставить это место и вернуться в часть для доклада о том, что противник не обнаружен, — значило потерять время и дать возможность немцам самим устроить тут засаду. Стоя в башне, Михаил напряженно вглядывался в сизый предвечерний лес, за который только что закатился раскаленный шар солнца.

— Ты что, уснул? — услышал лейтенант властный, привыкший к приказам голос. — Так у вас встречают начальство? А ну слезай, докладывай.

Вот те и на! До того «запаблюдался», что просмотрел командующего армией. Вон внизу, у края дороги, притормозил его виллис.

Быстро, но без суетливости выбрался из люка, подошел, печатая шаг, вытянулся.

— Товарищ генерал, докладывает командир машины Сорок седьмого гвардейского Киевско-Житомирского тяжелого танкового полка гвардии младший лейтенант Климов. Экипаж послан в разведку. Обнаружили удобное место для засады. Ведем наблюдение. Если противник потащит по этой дороге тяжелые минометы и артиллерию или захочет устроить тут засаду, мы его подстережем...

— А тебе приказа на засаду не было? Собственная инициатива?

— Так точно. Приказа такого не было.

— Гм, хорошо. А я решил, что ты задремал.

— У нас дремать не приходится, товарищ командующий.

Генерал только глазом сверкнул. Ему понравилась полная достоинства манера младшего лейтенанта держать себя в присутствии высокого начальства. Значит, этот славный синеглазый хлопец хорошо исполняет службу, если уверен в себе.

— Ну, ладно... — И после паузы, словно про себя, генерал добавил: — Добре, хлопче!..

Несколькими днями ранее броневые и механизированные соединения Третьей гвардейской танковой армии, которой генерал командовал, перешли в наступление на львовском направлении. Эта операция войск Первого Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева должна была завершить освобождение Украины и вывести наши армии к Висле. Фронт проходил примерно по тем же рубежам, что и в 1916 году, перед наступлением генерала Брусилова. Решающую роль в успехе сражения за Львов и Перемышль сыграли танковые армии генерал-полковников Рыбалко и Лелюшенко — Третья гвардейская и Четвертая.

Через двое суток после начала наступления, 16 июля 1944 года, Третья танковая была введена в узкий шестивосьмикилометровый коридор, прорубленный в немецкой обороне близ деревни Колтов. Фланги прорыва надежно прикрыли от контратак огнем щитом артиллеристы генерала С. С. Волкепштейна, с дивизией которого рыбалковцы наступали на Левобережье, дрались на Букрине, брали Киев, выбивали фашистские танки под Брусиловом. Следом за Третьей в Колтовский коридор вошла армия Д. Д. Лелюшенко. Этому беспрецедентно дерзкому, сложному и умному маневру с введением в прорыв на ма-

лом участке двух танковых армий суждено было, на пра-
вах классического выполнения сложной оперативной за-
дачи, войти в учебники.

По смелости решения и его осуществления генерал Рыбалко в этой операции превзошел самого себя. С зажженными фарами, на полной скорости пролетели по узкому лесному коридору танкисты, самоходчики, мотопехота, артиллеристы комкоров В. А. Митрофанова, В. В. Новикова, И. П. Сухова (в его Девятый мехкорпус входил Сорок седьмой полк) и комбрига И. И. Якубовского. По размытым дождями просекам выносились рыбалковцы к узлам дорог, обходили или блокировали опорные пункты врага, с марша атаковали и сбивали его заслоны. Командующий фронтом маршал Конев торопил командарма, а Рыбалко в свою очередь требовал повысить темп наступления, смело оставлять позади и на флангах немецкие гарнизоны, которыми предстояло заняться поспешающей за танкистами пехоте.

В огромном котле под городом Броды оказались зажатыми и обреченными на скорую гибель восемь вражеских дивизий. Танкистам Рыбалко предстояло обойти с севера Львов и, взяв его, частью сил нацелиться на польский город Сандомир, буквально на плечах противника с ходу форсировать Вислу и захватить плацдарм на ее западном берегу. Но это еще предстояло. Сейчас же командарм Третьей гвардейской танковой на вертком виллисе (водитель, адъютант, два автоматчика охраны) летел по пустынной дороге к частям. Конечно, среди напряженных событий этих июльских горячих дней встреча генерала с посланным в разведку лейтенантом была для командующего невеликим событием. В армии Павла Семеновича Рыбалко воевало по крайней мере несколько тысяч таких вот юных командиров машин, но все же описанная встреча оказалась памятной не для одного лейтенанта Климова.

Уже отъехав от высоты, генерал оглянулся. Лейтенант стоял в люке, пристально вглядываясь в сумереч-

ный лес. Он, наверное, уже позабыл о командующем и по-прежнему был поглощен боевой задачей. Генерал усмехнулся. Быть может, он подумал, что, если бы пришлось выговаривать, отыскились бы слова крепкие, и в немалом количестве. А когда дело доходит до поощрения — остается одно пустое, ничего не выражающее «Ну, давай!» или что-то в этом роде. Война точно указывает, где благородный металл и где подделка. Надо относиться внимательнее, добрее к людям. А мы нередко забываем побережь достоинство людей, зависимых от нас по службе. Как часто воины, бесстрашные в бою, испытывают чувство страха, представая перед пачальством.

А сегодня этот бесстрашный мальчишка, юный розовощекий лейтенант, сам того не ведая, разбудил в душе немолодого боевого генерала мысли, обычно оттесняемые в дальние уголки сознания, и чувства, которые он подавлял в своем сердце.

Весной 1942 года в сражении за Харьков пропал без вести ровесник этого лейтенанта, такой же тонкий, решительный, бескомпромиссный мальчишка лейтенант Виль Рыбалко. Незадолго до Харьковского сражения, завершившегося не в нашу пользу, Виль написал, что закончил училище и получил назначение в Энскую танковую бригаду.

Просила Надежда Давыдовна мужа: «Павлуша, возьми Вилю к себе в армию, будет восвать близко от тебя, и мне спокойнее...» Не взял! Нет, не из упрямства, а по внутренней убежденности отвечал жене Павел Семенович: «Сколько сыновей воюют вдали от отцов, а ты хочешь, чтобы хлопец по отцу шел, как генеральский сынок. Не смогу я другим батькам в глаза после этого смотреть. Да если б я и захотел, Виль бы не согласился. Не так воспитан...»

Вот и получилась: пропал, сгинул девятнадцатилетний лейтенант Рыбалко, как погибали его ровесники в лейтенантских, сержантских и иных званиях. Жалел ли, не жа-

лел о своем непреклонном решении генерал, сказать трудно. В редких, скупых письмах с фронта уверял жену, что еще есть надежда отыскать сына среди тех, кого будет освобождать из лагерей для военнопленных Красная Армия. До сих пор же, сколько ни узнавали о судьбе сына: мать через военкомат, а отец по своей линии — одинаковые шли ответы: «Пропал без вести». Не написал Павел Семенович жене одну подробность: воевал сын в Сорок восьмой отдельной танковой бригаде, героически прикрывала она отход наших войск в районе Барвенково, и навалился немец на бригаду всей своей силой... Но и здесь, хотя малая, все же осталась надежда.

Член Военного совета армии генерал С. И. Мельников, видя невысказанные душевные муки командующего, стал узнавать о судьбе пропавшего лейтенанта и выяснил, что будто бы сгорел Виль в танке... Но не сказал ничего Семен Иванович отцу, наоборот, когда выручали военнопленных из лагерей, ездил с ним, смотрел, искал, расспрашивал. Но пока не отыскивался след лейтенанта Рыбалко, и никто ничего о судьбе его точно сказать не мог.

Но как можно жить без надежды? И до сих пор ищет Павел Семенович среди освобожденных из проклятых фашистских лагерей единственного своего сына. Знает о горе генерала вся армия, капитаны и сержанты, бойцы и лейтепалты, танкисты, самоходчики, пушкари, мотострелки — все любовно зовут своего бесстрашного, справедливого ко всем им, осиротевшего командарма батькой. Хотя они и не с Украины, а с Волги, из Белоруссии, Сибири или Казахстана. И высоко ставят поведение генерала, который не взял сына в свою армию ни па штабную, ни на строевую должность и теперь никогда вслух не жалеет о своем решении...

Сзади допесся до Павла Семеновича рев мотора тридцатьчетверки. Командующий живо, всем корпусом обернулся. Лейтенанта Климова в люке уже не было, а его машина — одна-одинешенька — мчала к лесу, в котором,

возможно, засел враг. Виллис отъехал уже довольно далеко, когда привычное ухо генерала различило четкие удары пушки нашего танка и ответное злобное уханье немецкой «пантеры».

— Остановись! — приказал командующий водителю.

Несколько минут напряженно ждали. У леска запылало. Пламя было светлое, бензиновое, горел то ли вражеский танк, то ли грузовики, а похоже, что то и другое.

«Будь жив, лейтенант, воюй! И прости, сынок, что нехорошо подумал о тебе и поначалу резко говорил с тобой...»

— Что вы, товарищ генерал? — перегнулся с заднего сиденья адъютант.

— Ничего, это я подумал вслух... — Командующий отвечал офицеру тихо, задумчиво.

Рокот дизеля приближался. Тот синеглазый лейтенант вышел победителем еще из одной схватки.

— В полк к Веремею! — через несколько минут приказал генерал шоферу.

«ЭТИ ЛЮДИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ СРАЖЕНИЙ И ПОБЕД»

Рассказ подполковника Веремея

Наши передовые части так быстро двигались к Днепру, что я едва догнал их на попутных машинах. Разыскивал я свой Первый мехкорпус, который оставил, раненный, под Полтавой. Искал своих, а нашел Девятый механизированный корпус, действовавший в районе моей родины — Чернигова. Меня перехватил командующий известной, но еще не такой прославленной, как позднее, Третьей гвардейской танковой армией генерал-лейтенант Рыбалко. «Пойдемь на армейский разведполк?» — спросил он. Но я ответил, что ищу свою родную часть и хотел бы воевать в ней и дальше.

Тогда генерал рассердился: «Ты украинец?» — «Хол!» — «Родина твоя Советская Украина, так?» — «Так точно!» — «А Третья танковая армия, которая вызволяет нашу ридну Украину, тебе, выходит, чужая?»

Я молчал. Тогда Рыбалко, темнолицый, невысокий, своими живыми, пронизательными глазами вгляделся в меня и решительно махнул рукой: «Иди, хлопче, принимай Пятидесятый мотоциклетный полк. Он на букринский плацдарм, что южнее Киева, нацелен. Мне боевые ребята очень нужны. Будет на Букрине трудно, найдется тебе доброе дело...»

«Э-э, где ни воевать, лишь бы воевать!» — подумал я, козырнул, повернулся, как положено, через левое плечо и отправился выполнять приказ.

Плацдарм простреливался немцами насквозь, кажется, живого места там не осталось — все было перепахано их артиллерией, авиацией, танками. Но мы держались, не позволяли столкнуть себя в Днепр.

В октябре я получил Сорок седьмой танковый полк, а вскоре на этом самом плацдарме меня «угостило» снарядом так, что еле-еле ожил. Откопали меня, раненного и контуженного, ребята из Чехословацкого армейского корпуса — наши соседи. Девушка-чешка перевязала, парни дотащили до санчасти. Но в госпиталь лечиться, несмотря на приказ Рыбалко, я не поехал — не то время было. В санчасти отлежался. Все горели одним — поскорее выбросить врага с родной земли. Когда к Днепру мы вышли, воду из реки стали пить — пилотками, фуражками, котелками, просто пригоршнями черпали. Некоторые плакали: «Дошли ведь до нашего Славутича, а сколько хлопцев его никогда не увидят...» Уже поздней осенью, когда мы взяли Киев и дрались под Житомиром, отбивая остервенелые атаки панцирников, Геббельс объявлял хвастливо, что немецкие повара черпают воду для своих кухонь из Днепра. Но это уже были последние фашисты на берегах реки. Вскоре погнали мы гитлеровцев вместе с их по-

варами и отбросили до самой Вислы. Из нее тоже им не очень-то дали возможность воду черпать — подрапали фашисты дальше...

В ночь на третье ноября прибежал ко мне в санбат возбужденный Федор Шершнев, разбудил, в самое ухо кричит (после контузии я плохо слышал, слух медленно восстанавливался):

— Товарищ подполковник, на рассвете начинается наступление на Киев, полк идет передовым.

Мигом я вскочил, обмундирование натянул. Виллис ждал меня за расположением санбата (Федя это предусмотрел — чтобы врачей не растревожить, пешком последний километр прошел и тихо в палату прокрался). Только приехал я в полк, а начштаба майор Фомин боевой приказ батальонам заканчивает на машинке печатать.

Рокировали наш полк с Букрина на Лютеж — когда на этом плацдарме успех обозначился. Сыграла наша артиллерия немцу отходную, авиация добавила «музыки» — и пошли танки и самоходки с пехотой на броне, а мой полк — передовым. Какой командир, хоть контуженный, хоть раненный и недолеченный, тут усидит в больничной палате!

Через несколько часов первая наша рота под командованием капитана Малеева достигла района Святошино. На территории завода враг соорудил опорный пункт и огрызался, мешая дальнейшему продвижению. Подъехал я на своем командирском танке КВ к перекрестку, открыл люк, огляделся. Вижу старую, еще довоенную табличку «Гарматная вулиця». Подходят Малеев, командиры взводов. «Почему не подавили огневые точки?» — спрашиваю у ротного. «Разнесем завод, жалко, — говорит Малеев. — Он ведь скоро на страну работать будет. Хочу прорваться по дороге фрицам в тыл, отрезать их. Тогда они сами убегут. Прошу только огнем поддержать». «Добре, — отвечаю. — Сейчас с командиром артполка свяжусь, он расчистит дорогу».

Тут к танку подбегает старик еврей с девочкой лет пяти на руках. Оба окровавленные, взгляды безумные. Их фашисты расстреливали перед своим бегством. Старик с внучкой среди трупов затаились. Нашли их фашисты, ножами резали. Еще старик рассказал, что пемцы сейчас увозят из города паграбленные исторические ценности, в том числе из Киево-Печерской лавры. Впереди колонны поехали на машинах и лошадях эти грабители. Они гонят с собой несколько сот людей, чтоб прикрыть себя от нашего огня.

Меня затрясло. Поднял я руку и обратился к танкистам:

— Слушайте все, что этот человек говорит!

Волнуясь, срываясь, старик повторил свой рассказ.

— Вы слышали, что фашисты с нашими людьми делают? Нет вопросов? Тогда — вперед!

Приказал передать по рации артиллеристу: «Огня не открывать!» Сели в тапки и рванули мы по параллельным улицам и просекам на высшей скорости. Догнали фашистов скоро. Не стреляли — гусеницами давили. Прорвались через немецкий заградогонь и скоро настигли обоз, о котором рассказывал старик. Не ожидали враги такого поворота дела. Побросали они свой транспорт, стали разбегаться. Но мало кто от нас ушел. Часть в плен сдалась, многих покروшили. Угоняемых людей освободили. Ценности отбили и потом городским властям передали.

В сражении за Коростышев наш полк действовал совместно с Пятьдесят пятой бригадой полковника Драгунского. Крепко, по-фронтовому мы с ним сдружились.

И вот как-то перед боем подъезжает он к моему танку. Что-то, смотрю, мой друг на себя не похож. «Что, спрашиваю, Дима, случилось?» А он со слезами достает из партбилета письмо. Читаю, и трясет меня от боли и гнева. Сообщают ему соседи из поселка Дядькова, что возле Брянска: «Дорогой Давид Абрамович! Над твоей семьей

фашисты полютовали, отца, мать, сестру и всех родных замучили». Обнял я Диму, и поклялись мы мстить.

Приказал я своим танкистам ударить по юго-западной и западной окраинам Житомира. Хотя и ранило меня еще раз в этом бою, но радостно, что город мы взяли. С того времени стал наш Сорок седьмой Киевский полк именоваться Киевско-Житомирским¹.

Уже под Львовом дрался полк, когда из политуправления Первого Украинского фронта пришло переданное через партизан письмо. Оно было отпечатано в виде листовки. Писала его Екатерина Фоменко, сестра командира машины из роты Малеева — младшего лейтенанта Ивана Фоменко.

«Дороги друзи, товарищи танкисты, и ты, мой братку Иване, — по-украински читал листовку перед строем части замполит полка. До сих пор майор Спрыгин ни говорить, ни читать на украинском языке не умел, по письмо с особой силой прозвучало в устах этого коренного русака. — Пишет тобі сестра Катерина. Иване, не торопись до дому, бо вже нема нашого дома, як и всього села, нема нашої рідної матери и батька, нема нашої любимой сестрички Галины и брата Андрюшки. Як узнали, что ты танкист, немецко-фашистськи звіри их замучили: повыкололи очи и видризалы вухи и кинули усих в колодезь. Хату запалили, а надо мною теж надругались.

¹ Много лет спустя после войны узнал генерал-майор танковых войск в запасе Герой Советского Союза Иван Николаевич Веремей об истинном смысле загадочной радиотелеграммы, полученной им в конце декабря 1943 г. Командующий приказывал повернуть полк на населенные пункты Высокая Печь и Печи. Но изменившаяся обстановка потребовала от командира 47-го полка нового решения, которое и принесло успех.

Незадолго до своей кончины, в 1948 г., в кругу боевых друзей и соратников, маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко сказал о том эпизоде: «Веремей славу нашей армии держал, на печь не лез и на Печь — село не повернул. Хвала ему за смелую командирскую инициативу».

Хустку¹, яку ты подарыв мени на день парождения, забрала. Прийди же и ты, братку Иване, в их зверине лигво и видомсти фашистським гадам за их злочин. Ваша сестра Катерина».

На территории Польши дрался теперь наш полк. Знамя полка по праву передали в экипаж Ивана Фоменко — он и его боевые друзья поклялись на митинге пронести святыню части до Берлина и беспощадно мстить врагу за страдания и гибель наших людей.

Раненный в бою под Коростышевом, капитан Малеев приехал в часть. Очень я обрадовался ему. Он привез из Челябинска маршевую роту — десять тридцатьчетверок с экипажами. Ему предстояло вновь ехать в тыл за пополнением — воевать ему врачи больше по состоянию здоровья не разрешали. Однако этот сибиряк хоть и не богатырь был с виду, но характер имел твердый. Донял он меня: возьмите обратно в полк, я тут воевал, ранен был. Позвонил я генералу Рыбалко, попросил оставить капитана. «Кем он был у тебя до ранения?» — спросил командующий. «Командиром первой, передовой роты. Сейчас ею временно командует старший лейтенант Банников, молодой танкист». — «Так боевому хлопцу у нас всегда дело найдется, — сказал генерал. — Даю добро твоему Малееву. Поблагодари от моего имени за стремление возвратиться в свою армию и в родной полк».

Павел Семенович никогда не забывал в большом и малом воспитывать в людях «танкистский патриотизм» и любовь к своей части. К тому же и все мы, командиры частей, стремились.

Перед тем как сесть в танк, Малеев снова подошел ко мне:

— Прошу разрешения взять в роту лейтенанта Климова. Боевой парень, воюет хорошо, а машины у него нет. У старой моторесурсы израсходованы.

¹ Платок.

Рассмеялся я:

— Почему ты, капитан, сразу о себе и о Климове не просил?

— Учитываю психологию начальства, — отвечает Малеев. — Когда много просишь, ничего не дает. А коли по-добрело — тут все как по маслу пойдет...

— Ладно, — отвечаю, — бери к себе Климова.

А Климов, смотрю, уже тут как тут. Подошел, доложил, что воевать «пешим по-танковому» надоело, просит дать машину. Вгляделся я в парня, будто вновь увидел. Не бравивирует ли? Случалось с иными и такое. Нет, как будто и в самом деле в бой рвется. Письмо-листочку он слышал и того старика с девочкой видел... Щуплый, высокий, интересный хлопец, Михаил Климов. И стихи горячие пишет. Конечно, почти наверняка по-этом не будет, а танкист боевой, офицер из него может получиться отличный. И скромненький, не хвастлив — тоже хорошее качество. После боев на границе, когда его сам командующий армией похвалил за умелые действия, не стал хвастать в полку, никому не рассказал о встрече с генералом. Только доложил, что сжег «пантеру» и несколько машин с пехотой. Павел Семенович сам мне потом об этом разговоре с лейтенантом рассказал, и я сразу понял, что это был Климов.

— Добре! — повторил я Малееву. — Бери Климова в свою роту.

Просиял лейтенант, как школьник, повернулся по-уставному и бегом припустил к роте, только длинные ноги замелькали.

Нацелил я роту Малеева на польский городок Мелец, поставил задачу, и ушли они лесами и перелесками на запад.

Вслед двинулся весь полк.

Очень скоро немцы, обнаружив нас, стали подтягивать свои танки, затем подвели по железной дороге бронепоезд.

Рота Малеева смело атаковала немецкие танки и пехоту на скошенном ржаном поле. На десять наших машин навалились тяжелые тапки и самоходки. «Тигры» стояли в ряд и били по роте. Артиллерийская дуэль затягивалась. Тогда капитан на своей машине зашел немцам в тыл и один за другим зажег два их танка. Вот тут-то и подоспели проклятые «королевские тигры» и бронепоезд. У малеевской тридцатьчетверки отбило снарядом дульную часть ствола. Иван Фоменко был легко ранен. От роты машину Малеева немцы отрезали.

Мы торопились к ним на выручку, но не успели. По рации капитан передал: «Береза», я — «Береза-один», «орехи» кончились, иду на таран бронепоезда.

Тапки наши неслись на предельной скорости. Мы уже слышали пушечную стрельбу, видели дымные столбы над полем боя. И тут я услышал по ТПУ, подключенному к рации, в последний раз громкий, отчетливый голос Малеева:

— Поезд таранили, сбили с рельсов. «Лапти» соскочили. Двигаться не можем, немцы наседают. Иван «платок» принесет. Прощайте, товарищи! Мы не сдадимся. Прошу считать меня коммунистом...

И замолчал Малеев.

Несколько фашистских танков сжег Климов с товарищами, потом мы подоспели и остальных «тигров» разогнали. Когда добрались до железной дороги, навстречу выбежали со спасенным знаменем Иван Фоменко и его механик-водитель Ибрагимов. Они сели на броню нашего танка, и мы помчались по ясно видимому на стерне следу малеевской машины.

После тарана у них слетели обе гусеницы. Тогда капитан велел Фоменко и Ибрагимову выбираться из танка, а сам задраил все люки и стал отстреливаться из пулемета, прикрывая их отход. Спасли они полковую связку. Знамя Иван вытащил из-под гимнастерки и отдал мне.

Мой КВ подъехал к обгорелому тапку Малеева, но капитана в нем не было. Мы нашли его неподалеку, на обгоревшей кошке. Он еле шевелил черными губами. Не стонал, только смотрел долгим требовательным взором. Он угасал, и мы не могли помочь. Потом глаза закрылись. Тело дрогнуло и застыло. Мы сняли шлемы. Я встал с земли и приказал всему полку зарядить орудия. Повернули пушки в сторону врага и дали залп в память героически, мученически погибшего гвардии капитана Михаила Малеева. Тело его было обуглено и все исколото штыками, искореженный тапковый пулемет лежал возле.

Земля вокруг истоптана чужими сапогами, — видно, много было здесь фашистского зверья, которое наслаждалось мучениями советского танкиста. Он не сдавался, отстреливался, и тогда они облили танк горючим и зажгли. Десантный люк открыт — Малеев с пулеметом вылез через него. Гильз стреляных нет, — значит, капитана схватили тотчас же, едва он выбрался из горящей машины. Обложили спопами жита и подожгли...

Подъехал на своем танке Климов. Соскочил, веселый, разгоряченный боем. Подбежал докладывать и — точно споткнулся. Побелел, как платок. Крутнул на каблуке, рванулся к своей машине.

— Стой, Климов! — окликнул я его.

Он продолжал бежать, точно не слышал.

— Михаил, остановись!

Он бежал.

— Стой! — снова крикнул я что есть силы. Он все бежал. — Лейтенант Климов, ко мне! — Это я уже крикнул на все поле.

Остановился он, повернул обратно.

Словно на канате кто-то тянул его назад, к тапку. Он шел, упираясь, будто преодолевая огромную силу земного притяжения. Не верни я его, он наворочил бы там, у немцев, дел и сам бы не вернулся. В таком состоянии человека в бой пускать нельзя.

— Нельзя так, Миша. — Я взял его за руку, повел с собой. — Мы, танкисты, люди военные. Должны уметь владеть собой...

Я и сам не верил, что говорю то, что нужно. Но Михаил все же шел за мной, остывая, и это было в ту минуту главным.

Незащищенная, по-солдатски прямая душа у лейтенанта. Как и у других молодых ребят, воюющих не так уж давно. Я очень боюсь таких вот, как сейчас у Климова, порывов. Единственное, что я могу, — употребить свою власть командира части. Но я почти не в силах убедить подчиненных «отложить про запас» ненависть к люттому врагу. Как удержаться самому и сдержать от немедленного мщения своих танкистов, когда они видят труп товарища, гнусно убитого ордой здоровых, озверевших садистов?

Завернули тело Малеева в плащ-палатку и повезли в только что освобожденный Мелец. Пришли поляки с букетами роз — дети, мужчины, женщины, старики — и поверх двух танковых траков и шлема погибшего капитана положили на могилу кроваво-красные цветы. Никто из нас не плакал — все будто окаменели от горя и ненависти. Многих своим подвигом Михаил Малеев научил мужеству, боевому мастерству и гражданской честности.

Прощай, сибиряк Михаил Малеев, прощай, капитан! Мы идем дальше и тебя не забудем!

Радиограмма от командира нашего 9-го мехкорпуса генерала Сухова: «Полк Веремея в передовой отряд». Решаю: роту Малеева — в авангард полка. А кто из взводных примет роту? Несколько минут размышляю.

Тут меня опять к рации позвали. Не успел решить вопрос о назначении. Радировал «Громов» — командующий армией: «В передовом отряде не зарываться. Перейдешь Вислу по понтонному мосту, его наведут саперы. Прощупывай левый берег разведкой. Держи ее все время впереди. Пленных допрашивай на месте. Сведения сообщай».

щай немедленно в корпус или армию. Еще напоминаю — не зарываться. Боевой удачи тебе, Иван Николаевич!»

Решил я: на такое дело ротным нужен Бортницкий. Он пойдет в авангарде. А взвод примет у него Климов. Так и объявил в полку. Двинулись с исходных еще в темноте. Саперы мост соорудили на рассвете и утром, уже под огнем, переправляли нас. А на той стороне мы только поначалу организованное сопротивление встретили. Но как сбили немцев — пошли ходом. Трудная местность — овраги, холмы, перелески, потом каналы начались. Немецкий арtpолк застигли на марше, развернуться ему не дали — гусеницами давили фашистов, мстя за гибель Малеева! А к концу дня радиограмма: «Веремей, задача твоя выполнена, выходи туда, откуда утром пошел. Гро-мов».

На самом берегу фаустпатрон попал в танк Бортницкого. Обожгло Гедаля. Не повезло парню: один бой — и опять в госпиталь. Подошел я к нему попрощаться, а он, обгорелый, страшный, поднимается с земли мне навстречу:

— Товарищ гвардии подполковник. Задача ротой выполнена. Прошу наградить командира взвода лейтенанта Климова — он меня в бою своей машиной прикрыл. Иначе бы моему экипажу крышка...

Увезли старшего лейтенанта в госпиталь, и я отдал новую команду:

— Старшему лейтенанту Севастьянову — принять первую роту, Климову — первый взвод!

ЖАРКОЕ ЛЕТО, НА ВИСЛЕ

Рассказ сержанта Кораблева

Через две недели после начала наступления — шли последние дни жаркого июля — мы увидели впереди серо-голубую, не очень широкую гладь реки.

Это была Висла!

Раньше чем неприятель сумел подтянуть силы к реке, мы ее форсировали и твердо стали на захваченном плацдарме.

Опять наш лейтенант Климов оказался без машины. На только что захваченном плацдарме у Сандомира он провоевал недолго — танк его подбили фаустники, когда он прикрыл загоревшуюся машину старшего лейтенанта Бортницкого.

Обстановка ухудшается. Подходят новые немецкие части и наваливаются на защитников плацдарма. Вражеские самолеты бомбят и обстреливают из пулеметов pontонный мост. Висла кипит от взрывов. Уже берега сплошь покрыты сыпью воронок. Саперы снова и снова восстанавливают переправу, а войска идут и идут на плацдарм. Замполит майор Спрыгин говорит нам, что Сандомир должен стать трамплином для прыжка наших войск от Вислы к Одру и Шпрее, в юго-восточные и центральные провинции Германии. Другие фронты уже приближаются к границам фашистского рейха, готовятся к освобождению Чехословакии, Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии.

Замполит рассказал, что нашим войскам, захватившим плацдарм у Сандомира, противостоит давняя «знакомая» — немецкая 4-я танковая армия. Уже несколько командующих сменилось в ней — преемником генерала Рауса стал Хейнрици, последнего заместил Балък, но армия продолжала отступать под натиском советских войск. Все видят, что беда не в недостатке военного таланта и ретивости гитлеровских командующих. Подполковник Веремей на партийно-комсомольском собрании сообщил, что первоначально Балък ставил своим частям задачу отбросить нас за Вислу; убедившись, что это невозможно и советские войска стоят прочно, генерал попытался хотя бы уменьшить размеры плацдарма. При большой огневой поддержке он бросил в атаку несколько тысяч автоматчиков в сопровождении ста двадцати само-

ходных орудий. Ему удалось несколько потеснить нас, но на другом участке защитники плацдарма неожиданно для генерала нанесли такой удар по немецким позициям, что перечеркнули задуманную Бальком операцию и восстановили положение. Значительную роль в этих боях сыграли танкисты нашей родной Третьей гвардейской танковой армии.

Выручает нас артиллерия — с восточного берега она крепко помогает огнем. Но особенно старательно работают летчики. «Илы» штурмуют немцев почти непрерывно, носятся над их танками, чуть за башни не задевают, обстреливают эрсами. Выскочат из лесной просеки один за другим «кукурузники» — и сыпят противопехотные бомбы фашистам прямо в окна.

Если бы не авиация — нам бы совсем туго пришлось. В полку после двух недель боев на плацдарме остались считанные машины, а противник все атаковал, хотя уже не с прежней настойчивостью. В ближних тылах мы, ремонтники, спешно восстанавливали танки, которые еще могли пойти в бой.

Заместитель командира роты по техническому обеспечению старший лейтенант Гребенников, вытирая перемазанные маслом руки, подошел к лейтенанту Климову:

— Пойдем, примешь машину.

— Порядок? — Тот обрадованно вскочил.

— Сам увидишь...

Лейтенант был занят сугубо мирным, «хозяйственным» делом — кто-то из «тыловиков» попросил сварить вишневое варенье. Вернее — Михаил крутил в котелке ложкой, а сам в это время глаз не спускал с нас, готовивших ему машину.

Этот танк видал виды. Его подбили в бою несколько дней назад. Позапрошлой ночью мы под обстрелом ползали на нейтралку, где он стоял, подвели буксирный трос. Потом, под бешеные вопли и стрельбу одураченных фрицев, тягачом утащили у них тридцатьчетверку прямо из-

под носа. Восстанавливали, позабыв об отдыхе, вчера весь день, ночь и на сегодня еще хватило работы.

— На этом гробу в бой идти нельзя, — говорит лейтенант, осмотрев машину. — Нет опорного катка, проушина оружейной цапфы лопнула... Нельзя толком ни двигаться, ни стрелять, сам видишь.

— Миша, — виновато отвечает Гребенников, — в полевых условиях мы больше ничего сделать не можем. А машин у нас, сам знаешь, раз-два и обчелся. Без танков пехота не удержится на плацдарме.

— Но это тоже не танк — живая мишень.

— И все-таки воевать на нем можно, — упрямо настаивает помпотех. — Сейчас ребята пойдут на исходные. Поставь там машину, замаскируй и еще покопайся. Вот с собой возьми Серегу Кораблева, он поможет. Ты на танке не пойдешь, так Крючкина посадят.

— Он же только из училища, необкатанный, необстрелянный, — говорит Климов, — он пропадет на этой машине.

— То-то и оно.

— Так бы сразу и сказал, а то тянешь резину... Гармаш, Павел! — кричит лейтенант механику-водителю. — Давай заводи, пойдем на исходные.

Хватаю ящик с инструментом, вскарабкиваюсь на теплую, нагретую солнцем броню:

— Поехали, лейтенант!

Идем по дороге, мимо поля с налитой, желтой уже пшеницей. Спускаемся в лощину. Крошечный польский хуторок утонул в густых садах. Слева, за гребнем голой, безлесой пологой возвышенности, невидимые отсюда, расположились на исходных позициях другие танки. Климов спрятал машину за развесистую вишню, так, что только ствол орудия торчит из-за листвы, и мы полезли регулировать главный фрикцион. Исступленно палило солнце. Вдруг услышали тревожные женские голоса. Только подняли головы, как раздался крик водителя: «Лейте-

напт, немцы!» Михаил взлетел на башню, а я почему-то не на противника гляжу, а в другую, противоположную сторону. И перехватываю чей-то взгляд. Это совсем молоденькая полька. Красивая, тонколицая, светлоглазая. Она с семьей сидела в щели. Теперь девушка поднялась и глядела, но не на меня, а на Михаила. В свои 23 года я еще не видел, чтобы так смотрели. Во всяком случае — на меня.. Смотрела она с надеждой и пронзительной женской жалостью.

— По местам! К бою! — скомандовал лейтенант.

Враг упредил нашу атаку. Что ж, это даже лучше, на такой машине все равно далеко не уйдешь. Климов, видно, решил бить с места — позиция отличная. Спускаясь с бугра по дороге, вижу: гуськом ползут пятнистые, в желтоватых разводах танки. Одна «пантера», другая, третья... Шесть! Не так уж много. Только плохо, что они близко от наших позиций. Сейчас они развернутся и начнут утюжить окопы пехоты. Несколько солдат даже выскакивают оттуда и бегут назад, к нашему хуторку.

— Гармаш и радист, давайте в окоп, где гражданские сидят, быстро! — снова кричит лейтенант.

Верное решение. Незачем рисковать всем экипажем. И еще слышу — обо мне подумал лейтенант:

— Корабль, тоже к ним!

Снова голос в тишине:

— Сенотрусов, снаряд!

С лязгом закрылся замок орудия. Хоть и не вижу, но представляю себе сейчас лейтенанта: быстро, ловко крутит маховики наводки, прильнул к прицелу, глаза сощурены, тверды руки.

Немцы с их педантичностью до начала атаки ни за что с дороги не сойдут. Так и есть. Вот уже четвертая «пантера» вышла из разворота, подставляя борт. Дистанция туда, пожалуй, метров шестьсот. Конечно, надо бить сначала по первой машине. Если она загорится, это подействует на психику остальных панцирников, и на ка-

кое-то мгновение они растеряются — немцы всегда очень первничают, чувствуя себя под прицелом.

Прыгаю в окоп и выглядываю оттуда. Так и есть! Ствол орудия тянется за головным танком. Лейтенант ведет «пантеру». Пора! Хочу крикнуть: «Что ж не стреляешь?» — Тут же раздается выстрел — и вслед отзывается

— Ударил, ударил врага!

Из окопа мысленно на боевом участке мы стоим! Танк за танком, но не стреляет старая «пантера».

И мы бьемся до последней возможности, когда уже нечего было терять, и все-таки старая «пантера» еще раз выстрелила.

Этот был четвертый по счету артиллерийский выстрел, который старая «пантера» сделала в этот день. Лейтенант Климов.

Роском, славный человек, человек с большой душой и с большим сердцем, славный человек, славный человек, славный человек.

Русская доблесть и героизм — это в нас, в нас.

Победил двадцатилетний гвардеец — русская душа — Климов Климов, доблестно его героический человек.

Славный человек, славный человек, славный человек, славный человек, славный человек, славный человек.

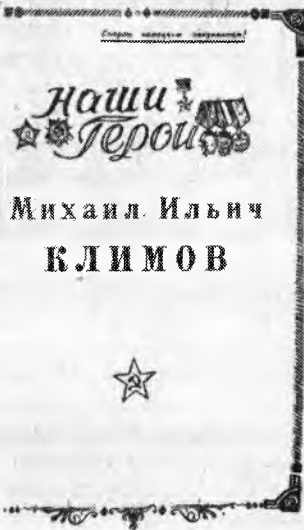
Славный человек, славный человек, славный человек, славный человек, славный человек, славный человек.

Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны извратить все наши силы, чтобы добить врага.

И. СТАЛИН

Телеграмма газеты «Вперед к победе».

Листовка политотдела армии рассказала о подвиге лейтенанта Климова на сандомирском плацдарме: «Победил двадцатилетний гвардеец — русская душа — Михаил Климов...» Август 1944 г.

почти слитый с ним разрыв. Тяну голову из окопа. На борту «пантеры», под башней, появился дымок. Еще один снаряд шлет Михаил в нее — для верности, и танк заво-

докло дымом. Теперь хорошо бы стрелять по третьему, пока второй объезжает горящую машину. Орудие не в порядке, лучше наводить не под основание цели, а в середину ее. Кричу об этом — не слышит, видно, Климов. Выпрыгиваю из окопа, подбегаю, стучу по броне. Бесполезно! Не выдержав, влезая на машину, сую голову в башню, объясняю. «Понял! — глухо отзывается Михаил. — Спасибо, Сергей!» Выстрел! Выстрел! Заполыхал еще один железный пятнистый зверь. С четырех снарядов две машины — неплохо! Немцы в полной растерянности — даже не отвечают. Теперь танк стреляет по четвертой «пантере». Дым от орудия слезит глаза, мешает следить за целью. Першит в горле от пороховых газов. А каково им там, в танке?!

— Уходи! — кричит лейтенант.

Три снаряда шлет он в четвертую машину. Неприятельские танкисты наконец опомнились, отвечают. Но это уже неважно — задымила еще одна «пантера».

Взрыв. Прямо в саду. С визгом летят надо мной осколки. Прыгаю прямо с борта вниз, вдавливаю голову в траву. Второй взрыв. Тридцатьчетверку встряхнуло. Попадание в борт, горит газойль.

— Сенотрусов, снаряд и быстро из машины! — кричит лейтенант, выглянув из люка. — Кораблев, уходи к дьяволу, убьет на голом месте!

Башнер выскочил. Хорошо. Где же лейтенант? Душный дым рвется из танка, мечется перед орудием.

С громом, рикошетируя, ударяет снаряд в верхушку башни. Хорошо, что Михаил остался в танке, иначе его угробило бы.

Вот грохнул из горящего танка повый выстрел. И тут же лейтенант вывалился из люка. Поднимаясь с земли, не утерпел, оглянулся на свою тридцатьчетверку: перебита гусеница, пламя рвется с правого борта.

Сейчас огонь доберется до снарядов. Успеет ли он добежать до окопа?..

Я не удержался, бросился ему наперерез, потащил его с силой в щель. Позади взрыв — взметнулись над танком дымно-рыжие языки пламени. Тра-трах-трах — рвется боекомплект; гулко лопаются в огне снаряды, сухо трещат патроны. Тонкая рука тянется обтереть Михайлово закопченное, оцарапанное мелкими осколками брони лицо: «Пше пращам, пац-товажиш». И те же васильковые глаза, только в них уже радость. «Спасибо, девушка...» — говорит лейтенант. Почти безразлично он это произносит. Сидит в окопе, выставив острые колени, и курит, жадно затягиваясь. Неужели, занятый боем, так и не разглядел, какая красивая девчонка возле него?

Все в экипаже целы. Но тапка опять у них нет.

— Почему не сразу вылез из машины, когда в нее первый снаряд попал? — спрашиваю у лейтенанта.

Оказывается, прежде чем покинуть горящую тридцатьчетверку, он не удержался, прильнул в последний раз к прицелу. «Пантера» ползла к перекрестию. Чуть-чуть довел и ногой со злостью даванул на педаль. После этого и выскочил. И хорошо сделал — «пантеру» лишнюю подбил и жизнь себе сохранил. Завидная выдержка у лейтенанта!

Разрывы снарядов снова гремят в саду. Михаил выглядывает из окопа. Юная полячка смотрит на него с молчаливым восхищением. Меся и остальных она не замечает. Над головой свистят пули. Четыре «пантеры» полыхают, как свечи, над ними вьется сизоватый дым, колеблется накаленный воздух.

Кто-то бежит к нам из стрелковых окопов. На нас сваливается старший лейтенант, парень одних лет с нами. Он тяжело дышит, откашливается, возбужденно трясет руку Михаилу.

— Спасибо, друг, выручил, а то я думал, роте каюк. Немцы уже давить нас собрались.

Это ротный из Шестьдесят девятой мотострелковой бригады нашей армии.

Вернулись «в тыл» мы уже «пешим по-танковому».

Варенье Михайлово застыло. Костер погас. Мы снова зажгли его, поставили в котелке кипятить чай. Курили и пили его с густым, сладким вишневым студнем.

Всего прошло с того времени, как я сел на климовскую броню, чуть больше часа. Солнце еще и зайти за лес не успело.

Вечером к лейтенанту подошел замполит полка майор Спрыгин. «Климов, сегодня твое заявление разбираем — подготовился?» — «Устав прочел, а для остального пока времени все нет...» — «Ничего, твое остальное — сегодняшние «пантеры».

Приняли лейтенанта единогласно. Мы, ремонтники, тоже немного переживали за боевого парня Михаила Климова.

А еще через два дня вся паша Третья танковая ушла на доформирование. К этому времени воинственный генерал Бальк совсем выдохся — немецкие атаки прекратились. Видно, там, в их штабах, подсчитали свои потери и ужаснулись.

БЕРЛИНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Свою первую боевую награду гвардии лейтенант Климов получил через несколько недель после памятного поединка с «пантерами» у безымянного польского хуторка на сандомирском плацдарме.

Третья тапковая армия была отведена в резерв Ставки на доукомплектование.

Для вручения наград приехали в полк командарм Рыбалко и член Военного совета армии генерал Мельников.

Когда вызвали из строя лейтенанта Климова, командующий сам выпул из маленькой красной коробочки орден Ленина и прикрепил его к гимнастерке лейтенанта. Крепко сжал его руку своей небольшой сильной рукой и, не отпуская, взгляделся остро, внимательно — узнал. Отпустил руку, обошел вокруг лейтенанта, внимательно оглядывая. Под гимнастеркой угадывались костистые, худые плечи, узкая грудь; для длинной тонкой шеи был просторец ворот гимнастерки с неловко, по-мужски пришитым чистым белым подворотничком. Командующий усмехнулся:

— Это ты, Климов, русский богатырь, как писали в армейской листовке? Что-то с виду не очень похож ты на богатыря, как я погляжу.

Лейтенант молчал.

— Чего молчишь? Может быть, не ты четыре «пантеры» подбил, а кто-то другой, который и ростом повыше, и в плечах пошире, и посильней тебя? Или я, старик, в

свои полсотни лет этой клюшкой перемолотил те немецкие танки?

— Я подбил, товарищ генерал.

— А-а, заговорил наконец. Значит, воюешь. И как будто неплохо, хоть с виду и не богатырь... А ты что нам скажешь, Иван Николаевич? — обратился к командиру полка командующий.

— А я, товарищ генерал, партийные рекомендации даю только тем, кто хорошо воюет, — отвечает подполковник Веремей.

— Знаю я тебя, — генерал шутливо погрозил подполковнику. — Ты во всех делах всегда поперед батьки. Имею в данном случае в виду не твои боевые действия, а нечто другое — понял меня?

— Так точно, товарищ командующий.

Подполковник все отлично понял. Он подал в корпус наградной лист на Климова, ходатайствуя о самом высоком поощрении его подвига. Комкор генерал Сухов Иван Прокофьевич утвердил представление. Но кто-то «па-верху», то ли в армии, то ли еще «выше», высказал мнение, что-де Климов офицер еще молодой, себя показал впервые, пусть еще обкатается, проявит в новых делах — награда от него не уйдет, успеет еще стать Героем... В свой предыдущий приезд в полк командующий рассказал об этом Веремею. Подполковник знал, что генерал был за присвоение высокого звания, но встретил в чьем-то лице противодействие и убедить в своей точке зрения не сумел. Командиру же полка досталось от командарма (а это могло быть и главной причиной неутверждения) за то, что он, не посоветовавшись, поспешил составить реляцию, в которой не указывалось, на каком танке дрался в тот день Климов. Если б Веремей написал, что тридцатьчетверка была старая, изношенная и едва могла двигаться, очень возможно, что «наверху» дали бы добро...

Генерал потрепал лейтенанта по плечу и, когда тот спросил: «Разрешите идти?» — легонько подтолкнул.

— Иди, сынок. Желаю успехов!

— Благодарю, товарищ генерал, — совсем не по-уставному ответил Михаил.

С лаской и скрытой грустью несколько секунд генерал смотрел вслед лейтенанту. Все заметили, что командующий последнее время стал особенно внимателен и добр к юным своим подчиненным, воюющим самоотверженно и умно.

После переформирования часть подполковника Веремея стала называться длинно и внушительно — Триста восемьдесят третий гвардейский Киевско-Житомирский тяжелый самоходный артиллерийский полк прорыва.

Танкисты осваивали новую технику — самоходные установки, вооруженные мощным stodвадцатидвухмиллиметровым орудием — ИСУ-122. Пехота по праву уважительно звала эти могучие самоходки «зверобоями». От их страшных пушечных ударов раскалывались, точно спелые орехи, не только средние и тяжелые танки и самоходные установки врага, но и сверхтяжелые его машины — «королевские тигры» и «фердинанды».

Михаил остался очень доволен новым составом своего экипажа, особенно был рад, что лучший мехапик-водитель части старшина Владимир Зубков оказался в его машине; наводчик и оба заряжающих тоже бывалые ребята, ветераны части. Подполковник Веремей не поскупился.

И вот снова идет на боевые дела Третья гвардейская танковая.

И опять тот же плацдарм, только весь забитый войсками, техникой; в небе тучи наших самолетов; и теперь уже не лето сорок четвертого, а январь 1945 года, — зима, похожая на весну. Снег пойдет и тут же растает. В поле еще кое-где белеет, по шоссе можно двигаться, но проселки — сплошная каша из воды и грязи. Висла взломала лед — река, как и люди, торопит веспу.

Весна пришла в Европу с Востока. Началась она в сорок пятом году 12 января.

В тот день могуче и грозно заревела наша артиллерия многими тысячами жерл. Поднялась в атаку вслед за огневым валом пехота. 13 января в образовавшийся прорыв вместе с другими соединениями вошла Третья гвардейская танковая армия, а уже через шесть дней за плечами ударной группировки осталось 100 километров пройденного пути. Четвертая танковая армия врага, как и его другие части, стала стремительно отходить. Советские войска, наступающие севернее, освободили Варшаву; танкисты-гвардейцы уверенно двигались на бреслауском направлении. Темп наступления стал 40—45, а в отдельные дни достигал 70 километров в сутки. 19 января танки и самоходки с пехотой на броне пересекли границу фашистской Германии. Несколько дней спустя танкисты генерала Рыбалко вышли на Одер и захватили плацдарм на его западном берегу. Позади броневых советских колонн блокированный Бреслау. В начале февраля с одерского плацдарма танкистами было начато наступление на Силезию.

Офицеры 383-го полка получили новые карты — их северо-западный угол черным сиротом заполнил Берлин. До него оставалось немногим более ста километров. Пьянил освободителей весенний терпкий воздух победы.

«МЫ ПРИШЛИ ОСВОБОЖДАТЬ ВАС»

Рассказ подполковника Веремея

Что за человек лейтенант Климов и на что способен как боевой офицер, я понял по-настоящему только после его боя с «пантерами» в районе Иваниски — Стодол. Не обыкновенный, не рядовой танкист — талантливый командир, это мне было ясно. И ясно было то, что именно такие люди принесут нашему полку заслуженную славу.

Подполковник И. Н. Веремей, бывший политработник. едва ли не самый молодой командир части в армии П. С. Рыбалко. 1945 г.

Пока паходились на доукомплектовании, все хотел я вызвать лейтенанта к себе, чтоб поговорить, порасспросить, словом, узнать этого офицера поближе. Но пока собирался — пришел приказ па передислокацию назад па сандомирский плацдарм. Тут пачалась в штабе полка горячка. И все же я вызвал Климова — раз решил, значит, надо поговорить. На войне ничега нельзя забывать и тем паче откладывать на завтра.

Пришел мой лейтенант, доложил по форме.

— А мы ведь с тобой, Михаил, оказывается, вдвойне земляки, — говорю я лейтенанту. — Я за Москву зи-

мой сорок первого года дрался, а ты Украину приехал от врага освобождать. Ну, садись, рассказывай...

А кругом люди — то меня к телефону, то бумагу надо подписать, то распоряжение отдать, то «сверху» к рации требуют. Место и время не очень удачное для душевного разговора. Но все-таки человек, с которым я говорю, должен чувствовать, что в данный момент он, его личность, беседа с ним — не только для него, но и для меня самое что ни на есть важное.

— Рассказывай, не стесняйся, — говорю я.

Попимаю, что лейтенанту непривычно, он смущается, но попятие «рассказывай» вовсе не означает для меня в данной обстановке, что говорить должен один Климов.

Отчего же, я тоже недурной рассказчик. Пусть лейтенант послушает.

И принимаюсь сам вспоминать о деле под Ясной Поляной. Как мы ее в декабре сорок первого от немцев освобождали. Рассказывал-рассказывал и сам увлекся. Вспомнилась ночь зимняя, беззвездная, с мокрым снегом и дождем. Получили мы, спешенные тапкисты Тридцать второй бригады, приказ: скрытно пройти в тыл врага, атаковать его и освободить селение Ясная Поляна, известное всей стране и всему миру.

А тут как на грех открылась у меня рапа, полученная еще летом, в боях за Либаву. Потихоньку я перевязался, никому не сказал о своей беде: все же неудобно комиссару штаба бригады перед самым боем выбывать в госпиталь. Пошли мы. По пояс в снегу. На лошадях везли минометы. А рана моя, от дурной погоды, что ли, болит, сил нет. Но я молчу, командую, виду не подаю, что мне худо. И тут — к утру уже — начал давить мороз, градусов так на тридцать. И мне стало чуть легче. Или размялся.

Подошли мы к крайним домам деревни Уваровка. Хотели чуть обогреться. Зашли. Тихо. Тут скрип в хате, где мы карту смотрели. В клубах пара входит дед — сивый, бородатый. И па нас ругаться: «Вы, такие-сякие, предатели, переоделись в советскую форму. Наших советских людей немцы вешают, а вас пощадили...» «Стой, говорю, отец, не шуми, мы не переодетые, мы настоящие, пришли вас освобождать». — «Что ж тут сидите, — шумит дед, — когда немцы в соседних домах? И внучку мою повесили, а ей всего семь лет было. Кричали, что она партизанка. Какой там, мала еще. А вот я партизанам помогал, это верно. Давайте поведу вашу группу, покажу, где немцы...» Приготовили мы гранаты, автоматы, и повел нас дед. Не врал старый — в самом деле: видим, висит на дереве трупик девочки. «Вот она, — говорит старый. — Внученька моя родненькая...» И заторопил нас — фрицы-то рядом.

Ну, устроили мы немцам баню. Они в белье выска-

кивают на мороз, тут мы их и кладем... Потом схоропили убитых своих, девочку ту, дедову впучку, — тоже в братской могиле похоропили. Люди не верили, что освобождение пришло. На следующую ночь пошли брать Яспую Поляну. Поднялись в атаку, вышибли врагов, а дедато паннего пулей в грудь, в легкие. Кончился бой, и дед наш умер...

Своей особой жизнью живет фронтовая дорога. Весна 1945 года.
Берлинское направление

Едва успел я досказать, полк по боевой тревоге надо подымать. Уже стоя с Михаилом договаривали. Я между прочим сказал лейтенанту: «Если ты меня станешь убеждать, что никогда не боишься в бою, не поверю». Тут он оживился: «Так, товарищ подполковник, одна вещь — бояться, а другая — себя переломить». И я засмеялся: «Этого мне от своих танкистов и треба. С таким пародом горы можно свернуть...»

А потом уже воевали мы в Польше. И сложная выпала задача: не только освободить Силезию от врага, но не позволить ему уничтожить предприятия промышленного бассейна. Такое было под стать только смелым, находчивым, опытным воинам. И наши бойцы с этой задачей справились блестяще.

Уже потом постиг я общий стратегический замысел командования. Он, как оказалось, сводился к тому, чтобы, окружив фашистскую группировку, оставить для нее узкий проход на запад и «вытолкнуть» ее из бассейна именно через этот «коридор». В масштабе же полка боевые операции свелись к следующему.

Гонимые к горловине нашими частями, поспешно отходили фашистские дивизии. После Сталинграда немцы панически, просто фантастически боялись окружений. На мой полк, огрызаясь, пятилась старая «подружка» — эсэсовская дивизия «Мертвая голова», крепко пощипанная нами, но все еще сильное, боеспособное соединение.

К ночи полк стал на позиции, перекрыв горловину. Шел мягкий, здешний снег, совсем не похожий на наш, российский, ядреный, привычный. И в свете ракет мы увидели: на нас движется бесконечная, облепленная снегом колонна танков, самоходок, бронетранспортеров с пехотой.

Силы врага в несколько раз превосходят полк.

Положение напряженное. Все на своих местах — сейчас откроем по колонне огонь.

И тут ко мне подходит полька. Хромает, нога перевязана окровавленным бинтом: «Пан-товажиш, помогите»...

Оказывается, ее с товарищами послали рабочие — коммунисты с шахты, расположенной в районе между населенными пунктами Николаи и Макрау. Немцы согнали там больше трехсот польских семей и хотят их взорвать вместе с шахтой.

Как ни напряженно у нас было в этот момент, нельзя людям отказывать в помощи. Решил я атаковать немец-

кую колонну, разгромить и двигаться в направлении станции. Позиция у нас была выбрана отлично: к перекрестку дорог шла насыпь, по которой только и могли передвигаться враги — либо вперед, либо назад, свободы маневра у «тотенокпфов» не было. Посадили мы на броню самоходок поляков — чтобы они указали пути для атаки фашистской колонны с флангов и тыла. И когда враг подошел к орудиям, укрывшимся в засадах, по нему был открыт в упор уничтожающий, разящий насмерть огонь. Попытки немецких автоматчиков обойти батареи были ликвидированы — на этот случай я выставил сильные заслоны из наших мотострелков.

К утру стихло побоище. Около сорока вражеских танков, сотни автомашин догорали на болотистой равнине. В плен взяли много фашистов и даже захватили знамя эсэсовской дивизии.

Как благодарили нас поляки за свое спасение и за сохранение в целости шахты — я рассказывать не берусь. Мы для них были не только освободителями, но больше того — спасителями...

Приехал я к самоходчикам после сражения. «Нет чище биографии, чем проверенная боем, — сказал я своим хлопцам. — Что мне болеть за дело душой, когда такие богатыри у меня в полку дерутся?» Я говорил им так, потому что был растроган и их геройским поведением в бою, и слезами польских жещип и стариков, обнимавших и целовавших своих освободителей...

И поклонился я своим парням до земли.

Я еще не знал, что за эти бои и последующие командование представило меня к званию Героя Советского Союза. А то бы я поклонился дважды своим орлам — ведь это они всевали так героически, что их командир представлен к высшей награде...

Подроспела тут шифровка командира корпуса: «Веремей — через Одер на западный берег».

Форсировали мы реку — не очень широкой показалась

она нам после Днепра и Вислы. И на другом берегу в районе местечка Яуэр едва не попали в беду...

Полк в сумерках шел по дороге походной колонной. Где-то далеко разливались зарева. Внезапно из-за одно-

Самоходчики — «самоходы» — сорок пятого победного года — командиры САУ, помптехы, механики водители, заряжающие, артвооруженцы, наводчики

этажных невидных домишек, прилепившихся к шоссе, выбежал старик, в шубейке, каких-то опорах.

— Цурюк, цурюк! — кричал он. — Минеи, минеи!

Не успели сообразить — из-за дома раздалась длинная автоматная очередь. Старик унал. У самой дороги.

Коннули мы снег, впереди на дороге — в самом деле мины.

Спас пас этот дед, хоть и жизнью своей пришлось ему расплатиться за помощь русским. Приказал я похоронить его по-солдатски, с воинскими почестями. Имени его не узнали, но просил я замполита полка и всех политработников широко использовать этот эпизод: не одни враги встречают нас на немецкой земле, есть у нас и друзья, и они знают, что для Германии, для немецкого народа мы — освободители. Это понимают здесь пока немногие, но скоро поймут все. Должны понять!

Спросил меня вскоре после этого эпизода лейтенант Климов:

— Товарищ подполковник, а как фамилия того старика, тульского?

— Кажется, Смирнов. Или Соколов. Точно уже не помню.

— А фамилию немца так и не узнали?

— Нет, Миша, к сожалению... Но звался, должно быть, Мюллер или Малер, был наверняка не дворянского рода. И в охране у Гитлера не состоял... Рабочий человек, труженик был, это мне ясно!

ВКЛАД ЛЕЙТЕНАНТА КЛИМОВА В ДЕЛО ПОБЕДЫ

Рассказ старшины Зубкова

— Эй, самоходы, — раздался чей-то веселый, сильный голос, — где тут у вас лейтепапт Климов?

— Зачем он понадобился? — вылез я из машины. — Это климовская самоходка, видите, двадцать четвертый номер на броне. Командир отдыхает, полночи с ним попеременно сидели за рычагами.

У офицера очень знакомое лицо. Где-то я его видел. Как будто он из мотострелковой бригады.

— Давай буди его, механик! — шумит гость. — А то всю Германию проснит, аж за Берлином проснется.

Но будить не пужпо. Заспанный Михаил уже тут как тут, спрыгивает на землю, вглядывается в старшего лейтенанта.

— Здорово, Климов, — кричит тот, — не узнаешь? Сандомирский плацдарм помнишь, ты еще мою роту там выручил.

— Здорово, друг! — откликается Михаил. — Прости, забыл твою фамилию.

— Самая распространённая в России, — смеется старший лейтенант. — Запомнить трудно, да?

Все мы смеемся.

— А ну давай спешивайся! — веселится гость. — Мое пехотинское нутро принимает шнапс только на твердой почве. Спешу, Климов, пока он у меня не скис...

Из широких складок белого маскировочного халата стрелковый лейтенант извлекает трофейную флягу, отвинчивает стаканчик, наливает трофейную жидкость нашему лейтенанту.

— У нас тоже этого добра хватает, — пробует отказаться Михаил.

— Нет уж, позволь, сейчас я угощаю, я перед тобой в долгу, — не слушая, говорит пехотинец. — Ты меня выручил, а не я тебя. Ну, за встречу в Берлине!

И он убегает к своим, расположившимся где-то за обочиной дороги.

Сейчас и мы двинемся. Приказ — наступать в направлении городка Зорау. Михаил бросает папироску, влезает

Механик-водитель климовской самоходки старшина Владимир Зубков. Весна 1945 года

в баню. По данным разведки, немец здесь собирается огрызаться всерьез.

— Поехали! — кричит Михаил.

Воюет лейтенант сравнительно недавно, чуть больше года, поменьше иных командиров, но никто не скажет,

Офицеры и генералы сфотографировались после совещания в штабе армии. Слева направо: начальник штаба генерал Д. Д. Бахметьев, командующий генерал П. С. Рыбалко, член Военного совета генерал С. И. Мельников, начальник оперативного отдела полковник А. И. Еременко, подполковник И. И. Веремей, начальник политотдела армии полковник А. Д. Кашик. Осень 1944 г.

что это неопытный офицер. У него есть прирожденное командирское чутье боя, умение ориентироваться в сложной обстановке и принимать единственно правильное решение. Это происходит не только потому, что он умный, находчивый и смелый парень. Ему помогает то, что он заранее продумывает разные варианты маневра, и лю-

бая неожиданность не может лейтенанта заставить врасплох. Не только воевать — быть рядом с ним интересно. На все у него свой взгляд, свое мнение, всегда новое и порой заставляющее на привычное смотреть другими глазами. Я по-хорошему завидую талантливому во всем Мише Климову, хотя он на пару лет моложе меня. Даже готов сознаться, что горжусь дружбой с ним. Мишкины стихи записываю в тетрадку вместе со стихами наших знаменитых поэтов. Скромный автор об этом и не подозревает. Если живы останемся, после войны я покажу ему эту тетрадь...

Надрывно, со скрипом режут немецкие десятиствольные минометы. Будет сабантуй!

Полк движется еще в походной колонне. Вижу впереди низкие, одно- и двухэтажные дома городской окраины.

Зорау — совсем маленький шахтерский городок. Окна в первых этажах домов заложены кирпичом, оставлены лишь бойницы. Видимо, тут сильный узел обороны. Под прикрытием авиации и артиллерии мы, самоходчики, и родные наши братья — танкисты разворачиваемся в боевой порядок. Пехота, сидевшая на броне, спешивается. Подлетают грузовики, бронетранспортеры — с них городом ссынаются солдаты.

Замыкающими в этой грозной бронированной колонне, которая берет город в клещи, ползут тоже густо обсаженные солдатами наши тяжелые самоходные установки ИСУ-122, а чуть позади нас идут еще потяжелее орудия — ИСУ-152. Мощным огнем мы должны расчищать дорогу войскам, направляя огонь в просветы между возглавляющими атаку тапками.

Серия красных ракет — вперед!

Поднимается вслед за тапками и спешит вперед стрелковая цепь.

— Ур-ра! — доносится оттуда слитный грозный крик. Давай, родная пехота, вперед. Мы поддержим.

Обычно автоматчики, влезая на самоходку, суют головы в люки. «Ох, братцы, тесно у вас!» — скажет кто-нибудь из них. «Наоборот, просторно, — смеется в таких случаях Михаил, — вот в танках было тесновато. Может, ребята, кто хочет под броней в атаку пойти?» «Не-ет уж, мы лучше сверху...» — под дружный смех наших самоходчиков и мотострелков отвечает пехотинец.

Я понимаю это чувство. Привычка определяет психологию солдата. Пустя меня вот сейчас с автоматом — буду чувствовать себя голым, незащищенным без брони. Наверное, если бы начинал войну в пехоте, тоже в железной коробке жизнь показалась бы непривлекательной.

Повисают в небе еще песколько разноцветных ракет. Это сигнал нам. Грозный рев самоходов оглашает окрестности. Штурмовые орудия устремляются вперед, чтобы помочь танкам и пехоте.

Из-за редких домов окраины бьют немецкие танки и самоходки. Высунутся, пальнут и опять убираются. У «фердинандов» звук выстрела резкий, оглушительный, у «пантеры» — потише, поскромнее. Наши «зверобои» побасовитее. И посмелее. Бьют паповал.

Вот из-за дома высовывается давняя «знакомая» — пятнистая «пантера». Прежде чем она успевает оглядеться и выстрелить, ухает наша самоходка, и «пантера», тяжело вздрогнув от удара, пылает.

— Вперед! — кричит Михаил.

В следующем квартале дорогу преграждает «зверь» покрупнее. Что же ты, гитлеровский недобиток, подставляешь борт?

— Огонь бронебойными!

Выстрел громом наполняет машину. Звенит в ушах, тяжело толкается кровь в висках.

— Огонь!

Новый тугой удар. От пороховых газов тяжело дышать в самоходке.

— Огонь!

Меткий выстрел — взрываются в утробе «фердинанда» снаряды.

— Вперед! — Это Михаил кричит мне.

Рация па приеме.

— Климов, продвигайся к квадрату четыре — десять, — раздается в шлемофоне голос командира батареи старшего лейтенанта Севастьянова. — Панков, Данилин, идите за своим взводным. Как поняли? Прием!

В смотровую щель уже отчетливо видны одинаковые, аккуратненькие серые домики под красными черепичными крышами. Перегорожены баррикадами прямые, тоже уныло-серые пустынные улочки. Каждую секунду из-за дома может вывернуться вражеская бронированная машина. От напряжения колет в глазах, рука прикипела к рычагам. Наши ИСУ стреляют только с места, поэтому, увидев цель, лейтенант должен успеть отдать две команды: мне — на остановку, наводчику — на стрельбу. А бить следует наверняка, ведь следующий выстрел только через полминуты. Но глаз у Михаила верный. С наводчиком он хорошо сработался, и стреляем мы неплохо.

Густо трещат автоматы, хлопают разрывы гранат. Это действуют наши неутомимые мотострелки и пехотинцы, а среди них, должно быть, и те ребята, что отказываются лезть в самоходку, и ротный с его подразделением, который нет-нет да и появится на горизонте и напомним Михаилу о сандомирском плацдарме. Они выбивают немцев из окопов и дотов, а главное — фаустников из укрытий.

Бой постепенно стихает. Фрицы вот-вот начнут отходить.

Самоходка, пройдя Зорау, вырывается на шоссе. Что это за лимузины, куда они торопятся? У наших снарядов ведь скорость побольше...

— Фугасными — огонь! — кричит лейтенант. Это команда и для меня — беру оба рычага на себя. Скрежеща по шоссе гусеницами, останавливается ИСУ. Почти сразу же ахает выстрел, вскоре другой.

Цель накрыта. Когда дым рассеивается, видим: лежат в кювете легковушки, что так не хотели с нами встречаться.

Останавливаемся ненадолго. Курим. Резко пахнет пороховыми газами; сухой тошнотный их запах забивает сладкий дух махорочки. От напряжения все устали, точно воду па пас возили. Хочется сидеть и молчать, не двигаться. Подъезжает к самоходке штабной танк. Начальник штаба полка майор Фомин бежит к опрокинутым лимузинам, вытаскивает какой-то портфель, достает из него бумаги, просматривает. Быстрыми шагами возвращается к нам.

— Ну, Климов, обрадовал ты меня,— говорит радостный Фомин. — Спасибо за штабные оппели. Офицеры везли ценные оперативные документы. Сейчас мы все пошлем «наверх», в корпус.

Отвратительная промозглая погода — не зима, не весна, хотя уже начало марта. Низкое серое небо. Снег и грязь. Перед нами город — крепость Лаубан. Леса кишат шальными фаустниками и автоматчиками, по просекам «бродят» немецкие танки и самоходки. К вечеру придется сажать на броню пехотинцев, чтобы отгоняли фашистских вояк, а то еще, чего доброго, пальнут по машине из фаустпатрона.

— «Вибратор», я — «Кама». Веду бой в квадрате восемь — три, — докладывает Михаил. Сильный, четкий голос лейтенанта легко покрывает треск атмосферных разрядов.

Немецкий лесок разрезан просеками на аккуратные квадраты. Неприятельские самоходки хоропятся в мелко-лесье, в кустах.

— Володя, стой, давай послушаем... — обращается Михаил ко мне. Глушу двигатель, и в звенящей тишине напряженно прислушиваемся. Где-то далеко стреляют. Не то! Вот у поляны вкрадчиво затарахтел мотор, колышутся ветви деревьев. Это уже наши «знакомые»...

— Бронебойными! — кричит лейтенант. — Огоны! Огоны!

Да, он не ошибся — потянулся дымок, вспыхнуло, загорелось. Еще одной бронированной машиной у Гитлера меньше. Высоко поднимается дымное пламя. Кажется, даже «тигра» мы спалили.

В сумерках уходим на исходные. Устали все до предела, а сон не идет. Чужие дома; оглядчивые, настороженные, предупредительные жители; не хочется ни с кем из них разговаривать — нам, видно, падо еще привыкнуть, что мы в Германии и паши хозяева — немецкие обыватели...

— Миша, сколько на сегодня настреляли? — затеваю я разговор во время короткого ночного отдыха.

— Два танка и самоходка.

— Итого за эти дни — семь?

— Вроде бы так.

— Говорят, Гитлер за каждый наш подбитый танк орден дает, а за шесть машин — Рыцарский крест солдатам сулит.

— Этого добра, Володя, целые ящики в любом городе.

— Миша, я не к тому сказал. Тебе за подбитые машины Героя могут дать.

— Ладно, давай отдыхать, завтра опять боевой день. Не за орденами мы сюда шли...

Лежу с открытыми глазами. Не спится. И лейтенант ворочается. Вот она — Германия! Чистенькие дома, шахты, заводы, отличные дороги. А позади испепеленные края, лагеря смерти, старухи, женщины, дети в глубоких рвах... Михаилу тоже думы не дают уснуть. Вдруг он порывисто поднимается: «Вовка, ты не спишь?» — и начинает рассказывать, точно вслух думает. Очень давно это было: бесконечные московские ночи, грозящие бомбами; голодные рабочие Сормова, которые сутками не уходили с танкового конвейера. А сколько людей погибло, осиротело! Не воскреснут убитые и сгоревшие заживо в

Первый Украинский фронт идет на Берлин. Командующий маршал И. С. Конеv ставит командарму 3 генералу П. С. Рыбалко новую боевую задачу. Весна 1945 г.

— Климов, Папков, выходите к развилке по просеке «Долгая».

Это подполковник Веремей собирает все ИСУ «под свою руку».

Самоходный полк — 20 машин, — будоража тяжелым гулом леса, идет на другой участок, туда, где еще сопротивляется обреченный враг. И снова городки, лесочки, деревушки, раскромсанные дороги, стычки, засады, бои.

Лес, за ним лощина. Оттуда бьют тяжелые немецкие минометы.

— Миша, влезай, заценит, — тянет лейтенанта за ногу наводчик.

— Погоди, кажется, их танки показались, — нетерпеливо отмахивается тот.

Иду посмотреть двигатель, пока остановка. Откидываю броневую заслонку люка моторно-трансмиссионного отделения, влезая туда по поясу. Вдруг меня ударяет по сердцу, мгновенно становится жарко. Что случилось?

И тут же, через секунду, как ответ на предчувствие, — разрыв под самым стволом. Всплеск огня. Что-то изменилось в мире, а что — не могу понять. Вдруг вижу лейтенанта. Михаил зажимает лицо ладонью. Глаз его правый — сплошная рана, а он продолжает выкрикивать команду:

— Огонь по головному! Огонь!..

Лейтенант уже лежит на земле. Подбегаю. «Ну что вы стоите? Давайте бинт!» Я тоже растерялся, не сразу вспомнил, что у меня в кармане есть индивидуальный пакет. Срываю нитку, неловко суюсь с бинтом. Бинтую Мише голову. Руки у меня в крови.

Разрывы гремят уже вдали.

— Володя, отгони машину, пока они не засекли... — еле слышно говорит Михаил.

Подъезжает подполковник Веремей, выскакивает из машины, склоняется над распростертым лейтенантом.

— Ах, Миша, не уберется... Как дела, как себя чувствуешь?

— Нормально, — отвечает лейтенант и вдруг сликает: потерял сознание.

— Где бронетранспортер? — кричит подполковник. — Сюда его немедленно. Климова в санчасть! Быстр-ро!

— Потерпи, Миша, потерпи! — тихо приговаривает командир полка, хотя лейтенант в беспамятстве и не слышит его. — Сейчас, сейчас придет бродяга, отправим тебя. Врачи у нас отличные, подлатают быстренько, и с нами еще довоюешь...

Он горюет, переживает — вижу я. Таким наблюдаю Веремей впервые. Всегда он в движении, в деле, шумит, приказывает, командует. А сейчас, словно старший брат, горюет над Михаилом, точно бой не бой и главное на све-

танках наши товарищи. И вороненные кандалы до сих пор едут в нашей самоходке в отдельном вещевом мешке. И капитан Малеев остался в Мельце под маленьким холмиком, но мы не забыли, какую смерть он принял...

— Пусть они заплатят за все сполна! — сгоряча говорю я.

— Кто они? — опять вскидывается Михаил. — Понимаешь, все очень сложно. Кто должен ответить? — медленно и раздельно чеканит он. — Я думаю так: пусть ответит только тот, кто виноват, не женщин и детей обвинять нам. Мы и сюда пришли как освободители. Мы, скажу тебе, Володя, избавляем и немецкий народ от фашизма. Это я не сразу понял — только теперь дошло. Тот старикан немец, что под Яуэром ради нас жизнью пожертвовал, помог многое понять...

— Так то так, — отвечаю я, — но таких единицы, а куда денешь боль и беду, миллионы наших сирот? Можно восстановить уничтоженные деревни, даже целые города построить заново, но ведь никто не умеет оживлять погибших в боях, умерших от голода в фашистских лагерях, расстрелянных только за то, что они советские люди и не хотели жить под фашистским сапогом...

Никто на это не может мне ответить. Вот даже умный, вдумчивый Михаил и тот молчит. И только потом говорит, после паузы, как бы оправдываясь, что не те слова нужны:

— Надо хоть немного отдохнуть, завтра опять в бой...

А паутро снова:

— По машинам!

— Три снаряда — огонь!

— «Москва», я — «Волга». Веду бой в районе высоты «Огурец»...

Порой попадаются брошенные жителями дома — это действует злобная фашистская пропаганда, что мы-де всех немцев либо убьем, либо сошлем в Сибирь. Видели мы повсюду такой лозунг на немецком языке: «Зиг одер Си-

биршен» («Победа или Сибирь») — последнее изобретение Геббельса.

Короткий отдых в каком-то городишке и опять:

— Командиры машин, к комбату!

— В засаду к дому лесника пойдет взвод Климова, — приказывает командир батареи. — Возьмете по пять автоматчиков на машину. Учтите — левый фланг открыт, танкисты ушли вперед.

За нашей самоходкой идет еще одна «исушка». Это и весь наш взвод. Глухим двигателя. Ни огонька, ни звука. В ночном лесу тихо шелестит дождь. Вдали беззвучно всплескивается багровое пламя и скоро превращается в зарево. В лесу от него чуть светлеет. На север, к Берлину, идут наши бомбардировщики. В их дальний гул вплетается вкрадчивый ближний шумок чужих моторов. По просеке ползут немецкие танки и самоходки. Из нашей ложины их силуэты четко просматриваются на фоне подсвеченного пожаром неба. Удобную позицию выбрал лейтенант для засады.

— Взвод, огонь! — гремит в шлемофоне его голос.

Бухают ответные выстрелы.

Вот застрочили наши автоматы и пулеметы. Из кустарника метнулась к нашей машине струя огня. Фаустники! На счастье — мимо. Тотчас же туда потянулись с брони цветные трассы автоматных очередей. Это нас защищают пехотинцы. В кустах все затихло. Отошли мы по ложине чуть в сторону и ждем в тишине. Полчаса прошло, час. Лейтенант запретил курить экипажу и автоматчикам — немцы могут увидеть огоньки или почувствовать запах русской махорки.

— Огонь! — вдруг яростно кричит лейтенант.

Разглядел в темноте.

Полыхает немецкая самоходка, остальные опасливо отползают. Сквозь голоса, треск и попискивание морзянки пробивается в шлемофоне голос радиста штаба:

те — уберечь этого лежащего в забытьи на чьих-то шинелях бледного, окровавленного, перетянутого бинтами лейтенанта...

ОТ ВОСЬМОГО МАРТА ДО ДЕВЯТОГО МАЯ

Рассказ лейтенанта Климова

Первое, что я услышал, когда пришел в себя, были незнакомые голоса: «Как прошла операция?» — «Помимо ранения контузионный синдром. Делали трепанацию черепа под местной анестезией. Правый глаз удален. Операцию вынес хорошо. Под конец потерял сознание». — «Ну, что же, так для него лучше»...

Потом я снова очнулся и услышал свой голос:

— Кто меня спрашивает — пропустите их, это мои боевые товарищи...

Открыл глаз, попробовал подняться, и все вокруг понеслось, как в карусели. Успел подумать, что как будто слышал голос Володи Зубкова, и опять провалился в глубокую черную яму.

Но это помутнение уже было в последний раз. Остальное в этих двух госпитальных месяцах в Германии — от Международного женского дня до Дня Победы — запомнилось очень отчетливо. Тайком от врачей и сестер ребята по палате начали учить меня ходить. Ноги подгибались, становились как ватные, мутило, точно кисейную барышню, я даже пил в это время воду, которая якобы спасает от обмороков. Но как бы худо ни было, заставлял себя вставать, двигаться. Я очень хотел верннуться к ребятам, в свою родную часть. Не командиром машины, конечно, или взвода (куда я гожусь без глаза!), но хоть ремонтником или пусть даже каптером в хозроту... Один

раз наткнулся на своего врача. Я думал, он расшумится, но он только сказал:

— Вы очень рано встали, товарищ больной. Не можете лежать? Ладно, через недельку будем вместе учиться ходить.

Я смолчал, что уже начал тренировки. Пронесло...

Причину такого снисходительного отношения ко мне я понял после того, как палатная сестричка сообщила:

— Ранбольшой Климов, приезжал ваш командир полка, говорил с руководством нашего госпиталя, даже кричал па Абрама Яковлевича, хоть тот и старше по званию: «Знаете, кто у вас лежит, он — Герой!» Вы в самом деле Герой?

Я отшутился. Но на следующий день дверь палаты растворилась, и вошли подполковник Веремей и майоры Спрыгин и Фомин. Я хотел встать, но Иван Николаевич не разрешил. Ребята — соседи по койкам — из деликатности вышли, мы остались вчетвером. Спрыгин достал из полевой сумки знакомую коробочку, только уже не красную, а белую, и Веремей торжественно произнес:

— От имени Президиума Верховного Совета... за бои в районе Зорау... орденом Отечественной войны второй степени...

И уже скороговоркой добавил:

— А за Лаубах... Впрочем, об этом рапо говорить, хотя теперь командующий поддерживает... Будь здоров, Михаил, поправляйся.

— Спасибо, товарищ подполковник. Передавайте привет ребятам.

— Погляди на него, Иван Николаевич, он совсем молодец, — говорит Веремею майор Спрыгин. — Хоть сейчас опять па самоходку.

— Как там? — спрашиваю я. — Скоро на Берлин пойдете?

— Скоро, Миша. Плап города уже получили. Ждем приказа.

— Можпо я с вами поеду? — прошу я Веремея. — Разрешите, товарищ подполковник, в последний раз погляжу на всех...

Фомин оглядывается и незаметно глазом мне показывает па командира полка: «Дескать, не отступай, про-си...» Но Веремей отвернулся, словно не слышит, возится с трубкой, замполит глядит в окно. Майор заговорщицки махнул рукой. Тогда я кинулся к шкафу и, хотя шумело в висках и мутило, вытащил обмундирование, торопливо надел на себя и сверху накинул халат.

Гости вышли, не прощаясь, — в этом я увидел добрый знак. Знакомый виллис, по-фронтовому обшарпанный, заляпанный грязью, живучий, стоял у проходной будки — я увидел его в окно. Соблюдая правила военной маскировки, пробираясь от рубежа к рубежу, я успешно миновал коридор, огляделся: опасности не было; потом независимо спустился по лестнице, где тоже меня никто не засек, форсировал двор, и только у проходной солдат — часовой преградил мне дорогу:

— Куда? Рапбольным выходить не положено.

— Друг, — взмолился я, — выпусти па малое время. Провожу, погляжу и вернусь. Видишь, командование навестить приехало.

— Пропусти его, солдат, — сказал из машины подполковник Веремей, — он непадолго...

Часовой растерянно оглянулся па высокое, увешанное орденами начальство, и в этот момент я оказался на улице — просочился...

На виллисе стояла знакомая опознавательная эмблема нашей гвардейской тапковой армии — три кольца и внутри тройка, а рядом цифра «383» — полковой номер. У меня защемило сердце.

Тридцатилетний степенный майор Фомин, словно школьник, нарушающий дисциплину, плутовато оглянулся. Солдат у проходной с кем-то разговаривал.

— Давай в машину! — приказал майор. Подполковник Веремей глянул карими лукавыми глазами, подвинулся на переднем сиденье, и мы с Фоминым и Спрыгиным влезли в кабину. Виллис с места рванулся прочь от госпиталя...

Знамя 3-й гвардейской танковой армии всегда находилось в головной машине. Танки на улицах Берлина. 3 мая 1945 г.

Веспа была в полном разгаре. В голубом воздухе дрожали паутинки. Синяя, какая-то не наша, здешняя спесь заволокла весь мир, одуряюще пахла, свешиваясь из всех придорожных садов. Фомин обнял меня за плечо:

— Ну, Миша, до победы один шаг остался!

А по шоссе шла, все на Берлин, на Берлин, наша победопосная Красная Армия. В несколько рядов двигались танки, самоходки, бронетранспортеры и машины с

пехотой; тягачи и грузовики везли пушки самых разных калибров, вплоть до огромных длинноствольных, никогда не виданных мной громадин. Все это катило в одну сторону — на запад, к фашистской столице. То был грозный и впечатляющий марш армии-освободительницы, выступавшей во всем величии своей справедливой и несокрушимой силы.

Мы приехали в тот самый час, когда полком был получен боевой приказ. Едва я успел обнять ребят, как раздалась громовая команда:

— К машинам!

Побрел и я вслед за бегущими ребятами к своей самоходке. Вернее, к своей бывшей самоходке. Расчеты выстроились в ряд, каждый у своей машины. На моем месте во главе экипажа САУ стоял невысокий русский младший лейтенант, совсем-совсем молоденький. Когда я подошел, он сделал шаг в сторону, уступая мне, покалеченному, перевязанному, командирское место на правом фланге. Горло у меня перехватило от волнения. И я зашатался — то ли от слабости, то ли от этого волнения. И тут меня подпер плечом мой верный механик-водитель старшина Зубков. А все остальные сделали вид, что ничего не случилось и вовсе не заметили моей слабости. Правда, скоро я взял себя в руки, сказал себе, что не имею права слабеть и качаться. Замер по-солдатски. Так стоял я по стойке «смирно», точно здоровый, и слушал боевой приказ. Как будто мне его тоже надо было выполнять. Полк шел на штурм Берлина. Последние слова подполковника Веремея были:

— Выступаем немедленно, по готовности.

Тут командир полка сделал маленькую паузу и закончил:

— ...Машина номер двадцать четыре, климовская самоходка, пойдет головной.

Подполковник Веремей это не только для меня говорил. Он давал понять всем, что полк не забывает своих

питомцев и впредь никого из них никогда не забудет, что бы ни случилось с каждым. Добрым боевым наставником всегда был для меня командир полка, а теперь еще показал себя хорошим психологом и сердечным человеком.

Мой преемник звался Иваном Суховым. Он был сыном нашего командира корпуса генерал-лейтенанта Ивана Прокофьевича Сухова. Этот семнадцатилетний Иван Сухов-младший только что окончил училище, еще не воевал. Оказалось, он специально попросился в мою самоходку и на меня смотрел очень почтительно, как на старшего опытного командира.

Иван передал мне привет от начальника Второго Горьковского танкового училища генерала Раевского. Оказывается, генерал наказывал своим выпускникам, когда они попадут на фронт, кланяться всем воспитанникам Второго гетеу. И вот от Ивана Сухова, хотя он кончал другое училище, получился дальний, переданный через многих людей, привет мне, бывшему курсанту из Ветлуги...

Простился я с фронтовыми друзьями, пожелал им всем боевых успехов, и тотчас же виллис помчал меня назад, в опостылевший госпиталь.

А войска все шли и шли навстречу, и не было конца этому потоку.

Штурмовать фашистскую столицу, совершить блистательный марш-бросок на выручку восставшей Праге нашей танковой армии вместе с другими частями и соединениями фронта еще предстояло. Но я уже ничего этого не увидел. Об этом прочитал в газетах, услышал по радио.

В ночь на девятое мая военный госпиталь в Глейвице проснулся от выстрелов. Все небо было расцвечено цветными трассами.

— Что там случилось? — Кто из раненых мог, бросился к окнам.

— Товарищи, война кончилась! — вбежала в палату медсестра.

Я рванулся с постели так, что все поплыло перед глазами. Шатаясь от слабости, побрел к окну. Распахнул створки, выставил вверх трофейный парабеллум и, крича что-то радостное, выпустил в теплую синюю ночь всю обойму. В других окнах тоже кричали, тоже стреляли. А молодой безпопный капитан-пехотинец плакал на своей койке в углу палаты тяжело и беззвучно...

РОДИНА НЕ ЗАБЫВАЕТ СВОИХ ГЕРОЕВ

Рассказ генерала Мельникова

Подписывая через несколько дней после победы наградные листы, я увидел в одном из них знакомое имя: Климов Михаил Ильич... 1924 года рождения... Член ВКП(б) с февраля 1945 года... Тяжело ранен 8 марта 1945 года... Ранее награжден орденами Ленина и Отечественной войны II степени... Адрес семьи — город Москва, 33, Рабочая улица, дом 29/2, кв. 5...

Это был тот самый лейтенант, примеченный командиром и мной еще в боях на сандомирском плацдарме. Тогда политотдел армии, руководимый полковником Капником, выпустил листовку «Герой-танкист Михаил Климов», в которой этот хрупкий синеглазый двадцатилетний лейтенант по праву был назван советским витязем, чудобогатырем. Теперь лейтенант Климов совершил новый подвиг. В боях в районе леса южнее Наумбурга вместе с экипажем своей ИСУ-122 уничтожил 8 танков (из них один «королевский тигр»), много бронетранспортеров, орудий, минометов и живой силы противника. А всего за две проведенные полком операции климовская самоходка уничтожила двенадцать фашистских танков.

Как член Военного совета армии я вторым, после командующего, подписывал наградные листы.

Я написал под реляцией: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза» — и протянул бумагу Павлу Семеновичу. Он пододвинул к себе наградной лист, прочел и сказал удовлетворенно:

— Тот самый лейтенант! Не ошиблись мы с тобой, Семен Иванович, в человеке.

— В последнем своем бою был тяжело ранен, остался без глаза, эвакуирован на Родину, — сказал я. — Подполковник Веремей специально звонил о нем, говорил: «Такие, как Климов, создали славу нашей Третьей гвардейской танковой армии. Настаиваю, чтоб ему дали Героя».

— Что ж, прав Веремей, — отозвался Павел Семенович. — Мы своих героев не имеем права забывать. Если они и навсегда выбывают из своей армии.

Рыбалко своим твердым характерным почерком написал: «Командующий войсками 3 ГТА гвардии генерал-полковник танковых войск» — и поставил подпись. Рядом я поставил свою должность и звание: член Военного совета армии гвардии генерал-лейтенант танковых войск — и тоже расписался.

Это было 14 мая 1945 года.

Нас с командармом ждали еще многие другие наградные листы, но несколько минут мы молчали, сидели, погруженные в воспоминания. Только-только отгремела самая страшная, самая тяжелая из войн. И вновь — как и всегда — наша социалистическая Родина вышла из этого небывало трудного испытания победительницей. Вопреки расчетам наших врагов — явных и скрытых.

Дорогой ценой оплачено это великое одоление. Сколько сыновей не дождались матери и отцы, сколько детей осиротело! Гибли в лютых боях отважные, и среди них так много юных, которым бы жить, мужать, радоваться бытию.

А живые бесстрашно несли дальше эстафету подвига — вплоть до последних сражений на вражеской земле.

Сколько наградных листов с описанием выдающихся подвигов подписывали мы с командующим по своей только армии! О всех разве упомнишь теперь? Под Орлом командир танка лейтенант Михаил О कोरोков с экипажем сутки дрался, со всех сторон окруженный врагами, пока не подоспели свои... На букринском плацдарме горящая тридцатьчетверка молодого офицера Александра Потехина не вышла из боя, а ринулась таранить атакующий фашистский танк... Под Зорау Михаил Климов, уничтоживший ни много ни мало — дюжину немецких бронированных чудищ, уже без глаза, продолжал командовать самоходкой...

Словно читая мои мысли, вымолвил Павел Семенович: — Тяжко, Семен Иванович, в двадцать с небольшим лет оставаться инвалидом, без глаза... Но ведь все ж таки жив, жив лейтенант Климов. Будем надеяться, что в мирной жизни он окажется сильным человеком, преодолеет физические страдания. А сколько его ровесников... Нет, и теперь еще не могу об этом ни говорить, ни думать...

У меня спазмой перехватило горло. Понял я: Павел Семенович окончательно расстается с Вилем. Кончилась война, и больше надежд на возвращение сына у отца не осталось.

Смуглая некрупная рука командарма слепо шарила по столу в поисках коробки с паниросами. Затуманенным, прощающим взглядом он словно смотрел в невозвратную даль сорок второго года, в харьковское непобедное сражение, отнявшее у него сына. Так всматриваются в драматические картины прошлого очень сильные люди — без надрыва, без слез и громких речений, но невольных свидетелей при этом опаляет точно злым морозным ветром...

В самый канун падения Берлина доложили командующему: погиб капитан Юрий Новиков, заместитель командира самоходно-артиллерийского полка, младший сын комкора 7 генерала Новикова. Повел Юра своих самоход-

чиков в атаку, и его САУ подожгли немцы из фаустпатрона. Тело командира кто-то из расчета установки вытащил из горящей машины и припес на КП корпуса. Новиков продолжает командовать боем, а возле него лежит убитый сын... Павел Семенович, как узнал, тотчас же помчался на своем старом надежном танке в самое пекло, туда, где вел бой Седьмой корпус. Они с Василием Васильевичем уединились, и два осиротевших на этой долгой и тяжелой войне отца вместе горько поплакали о своих мальчиках, не доживших до победы...

В те же дни, когда бессмысленно сопротивлялся уже обреченный гарнизон Берлина, произнес генерал Рыбалко памятные слова:

— Хватит людей убивать. Хватит крови, людских мучений.

Не только мужеству и боевому мастерству учили мы своих танкистов — старались прививать им и другие качества, тоже необходимые советским солдатам: гуманное отношение к пленным, к поверженному противнику. И командующий армией прозорливо напомнил своим подчиненным, что война, как бы долга и сурова ни была, все же рано или поздно кончится, и мы, победители, в ответе за будущее... По всей нашей Третьей танковой прошла молва о разговоре Павла Семеновича с жителями одного из только что освобожденных сел. Это было еще на Украине. Виллис Рыбалко подъехал к церковной ограде, за которой, присыпанные снегом, валялись неубранные трупы врагов. Павел Семенович увидел: среди тел, запрокинув голову на тонкой шее, лежит молоденький пухлогубый солдат... Долго смотрел на него генерал и промолвил наконец:

— Ненавижу войну... Сколько скосила, проклятая, молодых жизней, и паших, и чужих!.. — Тут увидел, что к машине подошли селяне, и к ним повернулся, попросил, чтобы мертвые были преданы земле.

Тяжелым, не своим взглядом ожег старика, возразив-

шего, что врагов хоронить ни к чему и пускай немцев растащат вороны. Сказал тихо, но так, что все слышали:

— Все равно похороните. У кого найдете документы, перепишите фамилии и отдайте в сельсовет... Окончится война — миллионы матерей со всего света станут искать могилы своих сыновей... Разумиэте? Матери з усього свиту стануть шукате могилы своих сынив...

За всеми делами я не забыл вскоре проверить — немцы были похоронены.

И вот закончилась война. Пришел на землю мир. И матери на всей земле не только обнимают своих детей, вернувшихся с войны хоть и перераненными, а живыми, но и ищут дорогие могилы... Как прав оказался Павел Семенович, как далеко вперед глядел он! Учил смело, беззаветно воевать своих танкистов, но требовал быть гуманными к поверженному врагу, требовал не забывать погибших, чтить их память и особенно заботлив был к тем, кто геройски вел себя на войне.

Через несколько дней после окончания войны позволил подполковник Веремей. Он просил Военный совет армии пересмотреть реляцию на боевую награду старшему сержанту Ивану Чертищеву. В последних боях за Берлин он лишился ноги, выполняя ответственную боевую задачу. «Пиши новое представление!» — приказал Веремею командующий, и, когда пришел наградной лист, мы оба с Павлом Семеновичем, не колеблясь, представили героя к славному ордену Красного Знамени. По распоряжению Военного совета старший сержант был на самолете отправлен домой под Москву, где местные власти предоставили ему новое, лучшее жилье.

Узнав, что Президиум Верховного Совета своим Указом подтвердил наши представления, командарм сказал:

— Семен Иванович, распорядись, пусть отыщут в личных делах наших Героев их адреса, пошлют телеграммы семьям. И того синеглазого москвича Климова тоже

неприменно надо поздравить. Не мешает, кстати, выяснить: может быть, хлопец в чем-то нуждается.

— Уже узнавали. Ответил, что благодарит за заботу, по ничего ему не нужно. Гордый парень, это хорошо. А с присвоением высокого звания всех поздравим, Павел Семенович, обязательно.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

(Вместо послесловия)

После выписки из госпиталя приехал Михаил в летнюю победную Москву сорок пятого года. Прошел заставой Ильича к своей Рабочей улице, увидел счастливые лица родных и друзей. Помянули погибших, выпили за счастье живых. В Кремле услышал торжественные слова: «От имени Президиума Верховного Совета... звание Героя Советского Союза...»

Вышел на Красную площадь, залитую щедрым июльским солнцем. Оглянулся на знакомые, дорогие с детства, с первых сознательных лет очертания Кремля, Ленинского Мавзолея, зубчатой кремлевской стены и пошагал, пошагал через всю сто лет не виденную Москву к себе на Рабочую улицу. Прохожие, еще не сменившие строгую защитную одежду на веселое гражданское разноцветье, оглядывались на высокого, тонкого, очень юного на вид парепька с Золотой Звездой на гимнастерке и черной повязкой на правом глазу.

Жизнь продолжалась, и жизнь нужно было начинать заново.

А о том, как в двадцать один год оказавшийся инвалидом вчерашний танкист Михаил Климов преодолел тяжкий недуг и пошел в ногу с жизнью, надобно писать еще одну книгу...

Михаил Ильич Климов. 1970 г.

* * *

Но часто удается нам посетить дорогие незабываемые места. Давным-давно не был на своей Рабочей улице Михаил Ильич Климов. Учеба, работа, семья — один сын, потом второй, конструкторское бюро на большом заводе, нелегкая должность инженера, многочисленные общественные, партийные обязанности.

В кои веки собрались Климовы. Доехали до заставы Ильича, пошли по улице, у которой осталось только ее гордое, такое обязывающее название — все остальное изменилось здесь: встали новые дома, появились ряды деревьев, катят автобусы,

звонит голосами многочисленное «племя младое, незнакомое». Вот и тополя из детства на углу переулочка. Старого подслеповатого дома нет — на его месте высится белый многоэтажный красавец. Михаил уходил отсюда один, а теперь их, Климовых, четверо пришло: оп, жена Валентина, коллега и верный друг, двадцатилетний Володя, студент, похожий одновременно на них обоих, и Михаил-младший, тринадцатилетний семиклассник.

Для сыновей война — уже история, о которой пишут в школьных и вузовских учебниках. Михаил Климов, давний парнишка с этой улицы, поглядывает на своих парней:

— Хотите, я расскажу вам былое об одном знакомом

мальчишке с этой улицы? Вот слушайте. Вместе со своими боевыми товарищами-тапкистами он добивал войну победной весной, в сорок пятом, как раз там, откуда она к нам

Отгремела война... У вчерашнего лейтенанта новые, уже мирные заботы. Москва, Мотозавод, 1946 г.

пришла. А началась для этого парнишки долгая, суровая война в Москве, на этой вот Рабочей улице, темными осенними почками тысяча девятьсот сорок первого года...

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
О героях-танкистах. Предисловие Маршала Советского Союза И. С. Конева	5
<i>Глава 1.</i> Парень с Рабочей улицы	8
<i>Глава 2.</i> Курсантский нелегкий хлеб	17
<i>Глава 3.</i> Встреча с Украиной	40
<i>Глава 4.</i> Сандомирский плацдарм	76
<i>Глава 5.</i> Берлинское направление	100
<i>Жизнь продолжается (Вместо послесловия)</i>	123

Георгий Михайлович Миронов

БУДЬ ЖИВ, ЛЕЙТЕНАНТ!

Редактор полковник *В. Д. Соколов*

Литературный редактор *Т. Г. Лихачева*

Художественный редактор *В. Н. Клюева*

Художник *Н. А. Усачев*

Технический редактор *А. Н. Медникова*

Корректор *С. Н. Штынова*

Г 32630

Сдано в набор 20.VII.72 г.

Подписано к печати 31.I.73 г.

Формат бумаги 70×108^{1/32} 4^{1/4} печ. л. (5,94 усл. печ. л.) 5,968 уч.-изд. л.

Бумага типографская № 1. Тираж 65 000 экз.

Изд. № 1/8421.

Цена 19 коп.

Зак. 222

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство Министерства обороны СССР

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3